ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 107 (3136) Вторник, 8 сентября 1953 г. Цена 40 коп.

Гордость России, гордость человечества

При одном этом имени радостной гордостью наполняется сердце: Лев Толстой... Великий художник, запечатлевший в своих гениальных произведениях целую эпоху, жизнь народа, страны, всех классов и сословий; великий гуманист, сумевший вопреки собственной фальшивой проповеди непротивления злу разоблачить всю ложь и подлость старого собственнического мира, самодержавного гнета, крепостничества, капитала; верный сын Родины, навсегда прославивший в своих творениях богатырскую мощь народа; тончайший психолог, создавший вечно живые, яркие образы русских людей; страстный и убежденный защитник правды в искусстве; бессмертный писатель, чей голос и поныне слышен всему миру.

125-летие со дня рождения Льва Николаевича Толстого — большое и знаменательное событие в культурной жизни советского народа, праздник нашей культуры. Все прогрессивное человечество видит в широчайшем размахе этого славного юбилея торжество русского народа, чествующего ныне одного из самых дорогих своих сынов.

Лев Толстой пришел в литературу как преемник и продолжатель лучших реалистических традиций отечественной литературы, традиций Пушкина и Лермонтова, Белинского и Гоголя.

Творчество писателя отразило общественный подъем, новый этап освободительного движения, рост национального самосознания, который особенно усилился после Крымской войны, обнаружившей слабость, историческую бездарность царизма и богатырскую мощь русского народа.

Об этом времени писал Некрасов, обращаясь к народу, не согнувшемуся перед иноземными захватчиками:

Народ-герой! В борьбе суровой
Ты не шатнулся до конца,
Светлее твой венец терновый
Победоносного венца!

Военные рассказы, посвященные «эпопее Севастополя, которой героем был народ русский», повесть «Казаки», «Война и мир», великая книга, согретая «теплотой патриотизма», освещенная «скрытым, разгорающимся огнем» народной борьбы за свободу и независимость Родины, лучшие из народных рассказов Толстого — это творения, проникнутые горячей любовью писателя к народу — труженику, богатырю, герою.

Народ — вот подлинный герой «Войны и мира», вот кто решает судьбы страны. Народ, отношение к народу, степень близости к его жизни, к миру его представлений и чаяний, — в этом главное мерило достоинств и недостатков, внутренней ценности каждого героя.

Прорываясь сквозь ограниченность своей идеалистической философии, фаталистических взглядов на ход истории, Лев Толстой создает изумительные картины мужества и храбрости русских людей, героев Бородина.

С гениальной художественной силой передает он несгибаемую твердость русской армии и обуявшее французов «чувство ужаса перед тем врагом, который, потеряв **половину** войска, стоял так же грозно в конце, как и в начале сражения».

Не Платон Каратаев — идейно слабый и художественно фальшивый образ — противостоит в романе образу Наполеона, а «дубина народной войны», партизаны, солдаты, лучшие представители офицерства, идущие в бой за Родину вместе с Кутузовым.

В мировой литературе трудно найти второе такое произведение, где бы великие идеи любви к отечеству, защиты родной земли, мысли о богатырской силе народной воплотились в столь ярких, неповторимых, вечно живых и волнующих образах.

Лев Толстой стремился ответить своими произведениями на самые коренные вопросы времени. Он не знал личного покоя, не мыслил собственного счастья без счастья своего народа. Все, чем жила страна, волновало писателя, приковывало к себе его творчески-пытливое и целеустремленное внимание. Отечественная война, движение декабристов, оборона Севастополя, отмена крепостного права, усиление капиталистического гнета и разорения деревни, рост буржуазии, бедствия народа, царская военщина и солдатчина, война на Кавказе, движение народовольцев, революционеров, — это же вся жизнь, вся история России прошлого века в самые трудные, решающие моменты! Да и не только России: вспомним рассказы «Люцерн», «Франсуаза», педагогические работы о преподавании за рубежом, публицистические статьи, направленные против «бездушного торгашества», против устроителей мировой бойни, которых следует рассадить по смирительным заведениям.

Толстой — всеобъемлющий гений русского народа.

Народно-патриотический пафос сливается в его творчестве с беспощадной критикой всего, что мешает счастью народному, с разоблачением жизни господствующих классов. В «Войне и мире» картины героической борьбы народа противопоставлены сатирическим образам придворных лакеев, салонных угодников, прожигателей жизни, интриганов, карьеристов, трусов, казнокрадов. С грозным, сдержанным гневом говорит писатель о своекорыстии, фальши, паразитизме помещичьей жизни, о «трутневом населении» военной верхушки, состоящей из царских прихлебателей, ловивших рубли, кресты, чины, сидевших на шее народа.

Писатель порывает с привычными взглядами своей социальной среды и в последних произведениях, в романе «Воскресение» обрушивается со страстной, беспощадной и неподкупно-суровой критикой «на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще, на насилии и лицемерии...» (Ленин), на все устои буржуазного человеконенавистнического строя.

Великий Ленин раскрыл подлинный смысл творчества Толстого, которое было потрясающим обвинительным актом против старой царской буржуазно-крепостнической России. В. И. Ленин показал, как во взглядах и творчестве великого реалиста отразились сильные и слабые стороны русской революции, отразилось великое народное море, взволновавшееся до самых глубин. Подчеркивая непреходящее мировое значение наследия Толстого, его сурового и трезвого реализма, срывания всех и всяческих масок, замечательно сильного непосредственного и искреннего протеста против общественной лжи и фальши, Ленин в то же время указывает и на слабость Толстого, на весь вред и реакционность «толстовщины», юродивой проповеди непротивления злу насилием.

Статьи Ленина нанесли сокрушительный удар по либеральным попыткам «обезвредить» Толстого-критика, Толстого-протестанта. Опираясь на эти статьи, советские исследователи должны показать силу толстовского реализма, силу критики капиталистического строя и уклада, не утратившую своего значения и в наши дни. Все так же громко звучит голос Толстого, направленный против власти денег, против поджигателей войны, против лживой и продажной буржуазной культуры.

Ленинские статьи о Толстом — гениальный образец глубоко научного, партийного и правдивого раскрытия идейно-художественного содержания творчества писателя во всей его сложности и противоречиях. Подлинное изучение творчества писателя несовместимо ни с каким приукрашиванием его облика, стыдливым замалчиванием его слабых сторон.

Неоценима роль в развитии мировой литературы Льва Толстого — могучего реалиста, который показал русский национальный характер во всем его богатстве и многообразии, раскрыл современную ему жизнь в ее сложности, в противоречиях, в развитии.

«Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, — писал Ленин, — выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества».

Гуманизм писателя, его горячая, страстная, неподдельно-искренняя любовь к человеку, нетерпимая к малейшей лжи, фальши, его неподкупное чувство правды, **жажда правды** — такова благородная направленность всего его творчества, унаследованная советской литературой. Писать надо только правду — или не писать вовсе, — таков завет Толстого.

Глубокое знание жизни, неутолимое стремление раскрыть всю ее сложность и противоречия, разгадать все ее загадки сочетаются у Толстого с тем, что Чернышевский назвал «чистотой нравственного чувства». Тысячи страниц написаны гениальной рукой Толстого, и среди них мы не найдем ни одной отмеченной печатью равнодушия, холодного объективизма, незаинтересованности.

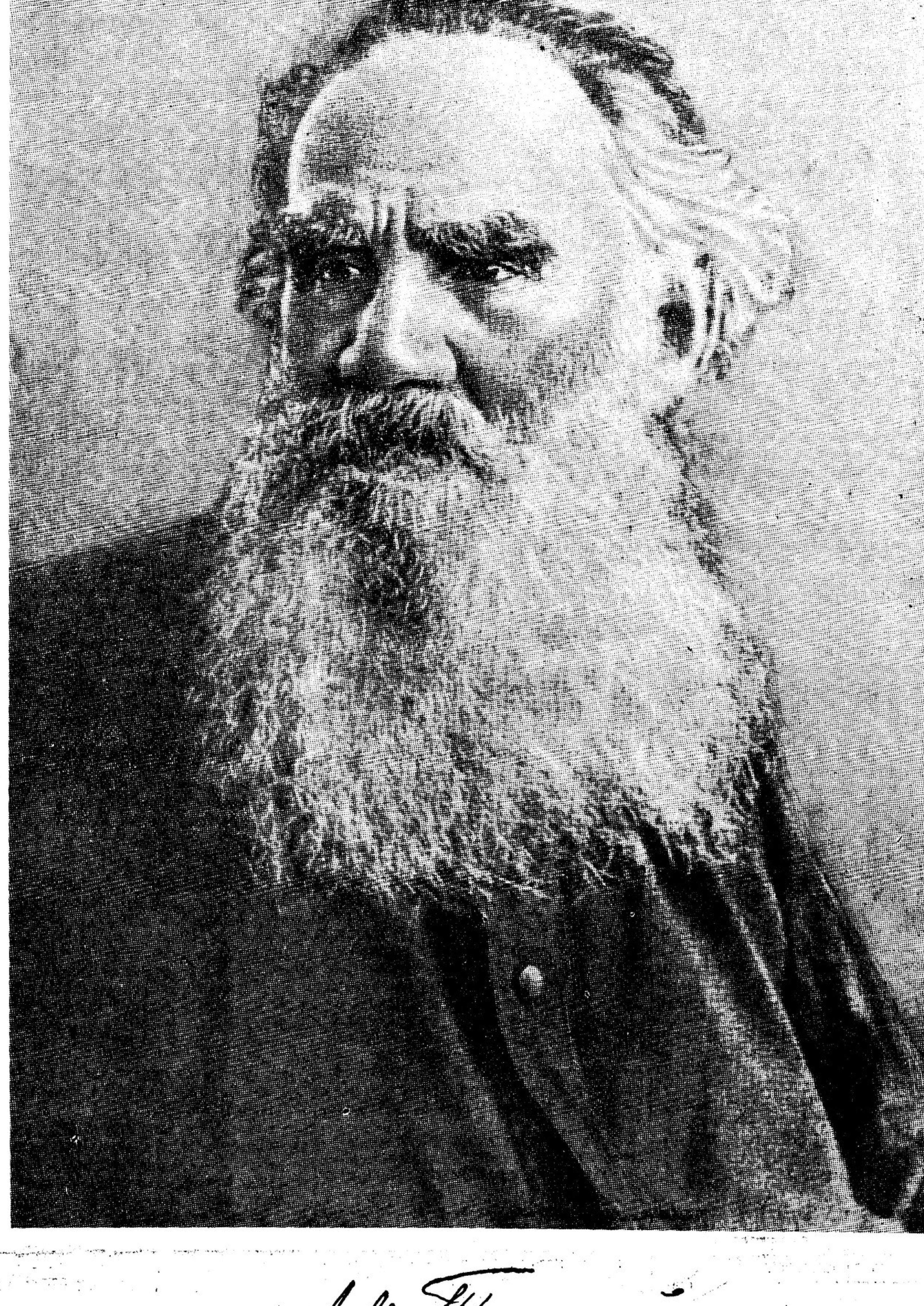
Силой своего гения писатель создал образы, столь живо раскрытые в их человеческой индивидуальности, что кажется, будто каждый из нас лично знаком с ними, видел воочию и Наташу Ростову, и Анну Каренину, и Катюшу Маслову, и Кутузова, и Багратиона, и скромного ратного труженика капитана Тушина, и многих-многих других. Каждого из них мы так хорошо знаем, помним, представляем, видим не только потому, что автор нарисовал их портрет с живыми, запоминающимися деталями, но потому прежде всего, что он глубоко проник во внутренний мир героев, раскрыл перед нами всю сложность их внутреннего мира, переживаний, всю «диалектику души». Писатель, в котором непревзойденный живописец сочетался с проникновеннейшим психологом, создает развивающиеся характеры; жизнь, рост, мужание каждого его героя происходит на наших глазах. Наташу Ростову мы помним еще маленькой черноглазой девочкой с детскими открытыми плечиками, с черными кудрями, «в том милом возрасте, когда девочка уже не ребенок, а ребенок еще не девушка»; помним ее измученной и исхудавшей, с бледным и строгим лицом после тяжелого разрыва с Андреем; видим, как она врывается к родителям, требуя, чтобы они оставили в Москве все имущество, но вывезли раненых... Так шаг за шагом проходит перед нами жизнь Наташи, жизнь Андрея Болконского и Пьера Безухова, ищущих, беспокойных, презирающих сытость и самодовольство окружающих их людей, жизнь Анны Карениной, сильной и страстной натуры, которая не может примириться с ложью и фальшью светского мира, жизнь передовых русских офицеров, солдат, крестьян, простых людей.

С таким же проникновением, с таким же гениальным мастерством Толстой рисует, казалось бы, второстепенные образы, которые и появляются на страницах произведения всего на минуту, но затем уже никогда не исчезают из памяти читателя. Достаточно обратиться к одному только роману «Воскресение». Надзиратель тюрьмы с его «начальственной уверенностью в собственном остроумии», члены суда, «смущенные своим величием», болтливый товарищ прокурора, который говорит, «грациозно извиваясь тонкой талией», княгиня Корчагина с ее «искусной, притворной, совершенно похожей на натуральную, улыбкой», светские люди, которые говорят «только для удовлетворения физиологической потребности после еды пошевелить мускулами языка и горла», светская красавица, спускающая в конце разговора вуаль, будто занавес после представления, — каждый из этих образов очерчен немногими словами, но словами убийственно меткими, беспощадно пригвождающими отрицательного героя.

Наделенный гениальным художественным даром, Лев Толстой был великим тружеником, самоотверженно преданным искусству — не искусству сытых и праздных людей, но искусству, которое посвящено народу. В этом — источник его упорного, самозабвенного, почти фанатического стремления к совершенствованию своих творений, беспокойных поисков самого верного, самого точного слова. Великое трудолюбие писателя сказалось и в многочисленных переделках произведений, в многократном переписывании сотен и сотен страниц; и — главное — в неутомимом изучении жизни, в жадном желании все знать, все видеть, всюду побывать самому — и в избе крестьянина, и в ночлежке, и на Хитровом рынке, всюду, где жил тогда трудовой, бесправный, обездоленный люд.

Советские писатели, наследуя лучшие традиции классической литературы, обращаются к драгоценному творческому опыту Толстого, учатся у него глубокому постижению жизни в ее противоречивом развитии, учатся искусству глубокого и правдивого изображения человеческих характеров, учатся беспощадно-требовательному отношению к своему творчеству.

Наша любовь к Толстому, к его неумирающим художественным творениям — лучшее свидетельство того, как ценят советские люди культуру, как дорожат они теми писателями, которые посвящают все свои помыслы и весь свой талант своему Отечеству, своему народу. Великое наследие Льва Толстого, ставшее в советское время подлинно всенародным достоянием, обогащает народ знанием истории и жизни родной страны, непримиримостью к капиталистическому гнету, эксплуатации, ко лжи и неправде буржуазно-собственнического мира. Произведения великого гуманиста — вечный источник патриотической гордости, художественной радости, эстетического наслаждения советских людей — людей нового, счастливого мира.

Левъ Толстой

ЗА МИРНОЕ СОДРУЖЕСТВО НАРОДОВ!

Советские люди умножают свой вклад в дело сохранения мира

В Москве и Челябинске, Вильнюсе и Тбилиси, Алма-Ате и Ленинграде, во множестве городов и поселках, в колхозных селах и деревнях, — повсюду советские люди высказываются за мирное урегулирование между государствами всех спорных вопросов, за содружество между народами.

На трибуны собраний, привлекающих тысячи участников, поднимаются люди самых разнообразных профессий, поколений, говорящие на десятках различных языков. Это люди, все дела и помыслы которых направлены к одной цели — мирному творчеству, люди, осуществляющие планы, рассчитанные на многие и многие годы мирной жизни. В полный голос высказываются они за решения будапештской сессии Всемирного Совета Мира и пленума Советского Комитета защиты мира, решения, которые нашли в сердце каждого советского человека горячий отклик.

— Посмотрите вокруг, — говорил на собрании коллектива московского завода «Калибр» слесарь тов. Круглов, — посмотрите на строительство жилых домов, школ, клубов, больниц, санаториев. Наша родная Коммунистическая партия и Советское правительство сейчас наметили мероприятия по дальнейшему подъему материального благосостояния народа. Мы все явственнее ощущаем это в действии, в жизни. Советский народ не для того добился победы над фашизмом, чтобы снова была война, которую хотят навязать человечеству американские заправилы. Мир победит войну!

Уверенностью в победу сил мира, в возможность сохранения длительного мира проникнуты все речи. Ведь удалось загасить огонь войны в Корее! Эта великая победа всего движения сторонников мира, заявил заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока доцент тов. Ефимов на собрании коллектива Ленинградского университета имени А. А. Жданова, должна быть повторена всюду, где есть опасность войны.

— Советские народы, — подтвердил ту же мысль слесарь тов. Лаптев, выступая на собрании коллектива тракторного завода в Челябинске, — полны решимости еще более настойчиво бороться за мирное урегулирование всех спорных международных вопросов. Они знают и видят, что таким путем можно добиться успеха.

Об этом говорили и ораторы, выступавшие на происходившем в субботу пленуме Московского областного Комитета защиты мира, и вчера на пленуме Украинского Комитета защиты мира в Киеве, и на собраниях в железнодорожных мастерских Тбилиси, и на металлургических предприятиях Урала... Но горько ошибутся враги мира, принимая эти заявления за признаки слабости. Призыв к мирному урегулированию спорных международных вопросов опирается на всю мощь и силу Советского Союза. Это требование страны-победительницы, разгромившей фашизм, страны, стоящей во главе всего лагеря мира, объединяющего треть человечества.

Хорошо сказал об этом, выступая на пленуме Московского областного Комитета защиты мира академик И. Петровский.

— Мировая история не знала еще такого государства, которое, выиграв всемирно-историческое сражение и обладая всеми видами современного вооружения, считало бы обеспечение мира главным предметом своих забот, своим высшим долгом. Именно таким государством является наше могучее Советское социалистическое государство.

Чем сильнее будет Советская страна, весь лагерь мира и демократии, тем меньше возможностей у поджигателей войны осуществить свои преступные планы. Вот почему на всех собраниях обсуждались вопросы дальнейшего усиления темпов мирного строительства.

— Наше стремление к миру, — заявил на пленуме Московского областного Комитета защиты мира врубмашинист шахты № 1 треста «Молотовуголь» Герой Социалистического Труда тов. Филимонов, — находит свое отражение в трудовых победах, в новом мощном подъеме народного хозяйства.

— Мы, кировцы, готовы трудиться, не жалея сил, чтобы умножить вклад в дело мира. Наши скоростные плавки, успехи наших скоростников токарей и фрезеровщиков, самоотверженный труд слесарей-сборщиков — все это для мира, для счастья людей! — сказал разметчик Кировского завода в Ленинграде тов. Федоров.

— Приложим все силы, чтобы досрочно выполнить план 1953 года! — заявили в своей резолюции челябинские тракторостроители.

По всей стране советские люди в резолюциях, принимаемых на тысячах собраний, одобряют решения будапештской сессии Всемирного Совета Мира и пленума Советского Комитета защиты мира, обязуются самоотверженным трудом крепить мощь своей Родины.

В РАЙОННОМ ЦЕНТРЕ ЛЕВ ТОЛСТОЙ

Бывшая маленькая железнодорожная станция Астапово с поселком в тысячу человек — такой она была в 1910 году — стала ныне районным центром Лев Толстой. Школа-десятилетка, одна из улиц, близлежащие совхоз и машинно-тракторная станция носят имя великого русского писателя.

После войны в районном центре открылся музей Льва Николаевича Толстого. В музей включена и мемориальная комната, где прошли последние дни жизни писателя. В этом году открыты еще два зала, материалы которых рассказывают о роли Л. Н. Толстого в истории русской литературы, его связях с М. Горьким, влиянии на творчество советских писателей. Экспонировано четыре тысячи телеграмм, полученных в связи со смертью Л. Н. Толстого.

13.697 — таков последний порядковый номер в книге посетителей музея за 1953 год.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ. **(По телефону)**

Инженеры кооперативной промышленности

Свыше одного миллиона восьмисот тысяч человек работают на предприятиях и в мастерских промысловой кооперации. В стране насчитывается 126 тысяч таких предприятий. Они выпускают до 40 процентов всей мебели, до 35 процентов швейных изделий, 40 процентов верхнего трикотажа и большое количество других товаров народного потребления. Промкооперация обеспечивает население ремонтом обуви, одежды, домашнего инвентаря.

Перед промысловой кооперацией сейчас поставлена задача — резко повысить культуру производства, дать населению больше добротных, красивых изделий. Для повышения квалификации руководящих работников промысловой кооперации создана Высшая школа промысловой кооперации — первое высшее учебное заведение, которое будет готовить для промысловых союзов и артелей инженеров-технологов и инженеров-экономистов по специальностям: механической технологии древесины, технологии швейного производства, экономики и организации промысловой кооперации.

На три факультета Высшей школы после вступительных экзаменов принято 160 человек — председателей промысловых союзов и артелей, технических руководителей предприятий, плановиков, новаторов производства, приехавших из всех союзных республик. Срок обучения в школе три года.

Школа расположена в пригороде Москвы, близ станции Тарасовская. Для практических занятий слушателей имеются хорошо оборудованные лаборатории, открыто общежитие.

Голос украинского народа

7 сентября в Киеве состоялся расширенный пленум Украинского республиканского Комитета защиты мира, который открыл поэт П. Тычина.

С докладом о задачах Украинского республиканского Комитета защиты мира в связи с решениями сессии Всемирного Совета Мира и пленума Советского Комитета защиты мира об урегулировании мирным путем всех спорных международных вопросов выступил председатель Украинского Комитета защиты мира вице-президент Академии наук УССР Н. Семененко.

— Украинский народ, — заявил он, — как и все советские люди, хочет жить в дружбе со всеми народами мира, считает призыв Всемирного Совета Мира о расширении борьбы за мирное урегулирование всех международных вопросов вполне своевременным и готов активно поддержать его практическими делами.

Н. Семененко указывает, что трудящиеся Советской Украины, обсуждая на своих собраниях решения Всемирного Совета Мира, еще раз поднимают свой голос в защиту мира.

— Мы сильны, как никогда, — заявил сталевар завода имени Дзержинского Н. Кочетков. — Мир нам нужен для того, чтобы успешно строить коммунизм. Вот почему металлурги, коксохимики, вагоностроители — все трудящиеся города Днепродзержинска, как и все советские люди, работают с удвоенной энергией.

— Вместе со всем нашим советским народом, — сказала председатель колхоза имени Сталина Львовской области У. Баштык, — мы, колхозники и колхозницы Львовщины, вносим свой вклад в общее дело борьбы за мир. Благодаря братской помощи всех народов нашей страны и в первую очередь великого русского народа, неузнаваемо выросли и расцвели города и села нашей области. Мы будем и впредь решительно бороться за счастливое сегодня и еще более светлое завтра, за мир во всем мире, за мирное урегулирование всех международных проблем.

Пленум принял резолюцию, в которой единодушно поддерживает Декларацию Всемирного Совета Мира, призывающую к урегулированию международных проблем мирным путем.

Разговор об избытке и недостатках

Савва КОЖЕВНИКОВ

1. Деревня Анос, в которую я ехал, расположена невдалеке от берега Катуни. По мере того, как продвигался паром, к нам приближались тесовые крыши домов и все яснее и яснее становилась серая ребристая стена горы Иткай. Деревня разместилась у ее подножья.

Переправившись через реку, я сразу же попал в безлюдный и непривычно безмолвный мир. На улицах не было ни души. Калитки и ворота были закрыты. Не лаяли даже собаки. Только где-то в центре деревни громогласно кричал репродуктор.

Я подошел к зданию правления колхоза. Двери его были на замке. Постучал в соседний дом — никто не ответил. Никого не было и в сельсовете. Но двери там не были закрыты. В обширной светлой комнате я увидел голые столы. Гиря настенных часов, отлитая в форме кедровой шишки, опустилась почти до пола. Часы стояли. Видимо, уже целые сутки никто здесь не был.

На подоконнике одиноко сидел большой зеленоватый кузнечик и старательно ковал. Я припугнул его. Кузнечик умолк на секунду, а потом еще неистовее начал стучать по невидимой наковальне: не мешай, дескать, «вишь пора-то сенокосная».

К окну подошел пожилой человек в выцветшей шляпе и постучал палкой в подоконник.

— Илья Михайлович не приехал? — спросил он хрипловатым старческим голосом.

Это оказался колхозный садовод Иван Игнатьевич Воронков. Спрашивал он председателя сельского совета, и, узнав, что в комнате нет ни председателя, ни секретаря и что я их поджидаю, старик пригласил меня посмотреть сад.

Сад начинался сразу от проселочной дороги и поднимался высоко на косогор. Окруженный ветрозащитной полосой из тополей и клена, он занимал огромную территорию — свыше двадцати гектаров. Сначала я увидел ранетки. Высокие раскидистые деревца были усыпаны мелкими плодами. Я остановился. Но Иван Игнатьевич махнул рукой.

— Что тут смотреть! — сказал он с досадой. — Отдыхает нынче сад. Вот в прошлом году был у нас урожай подходящий. До трех центнеров собирали с дерева. И нынче, конечно, был бы не меньший, да вот сил у нас на удобрения и обработку не хватает.

По улице деревни Воронков шел медленно, шаркая по-стариковски подошвами сапог. Но как только мы вошли в сад, он словно преобразился — я едва успевал итти за ним. В саду растет восемь тысяч деревьев. И если стоять около каждого из них хотя бы по одной минуте, на осмотр сада потребовалось бы больше пяти суток. И Воронков шел, почти не останавливаясь, и на пути отрывисто сообщал:

— Вот сейчас пойдут груши. Они занимают десять процентов сада. Столько же — сливы. Все остальное — яблони, ранетки, ягодники...

Минуя дерево за деревом, Иван Игнатьевич называл один сорт яблок за другим.

Мы поднялись на подножье горы, сад открылся весь до единого деревца. Высокая ветрозащитная полоса тополей напоминала огромную корзину, до краев наполненную фруктами. Тут были сорта, выведенные великим Мичуриным, и местные, названные в честь их родины, — «Анос».

Как тут было не засмотреться! Иван Игнатьевич расчувствовался.

— Сад — это радость людей, — сказал он взволнованно.

Сады в Сибири — сейчас уже не диковинка. Я видел их в десятках колхозов нашего холодного края и даже в тех местах, где раньше не росла и пшеница. Но когда мы спускались с косогора, я неожиданно наткнулся на кусты крыжовника. Низенькие, колючие, с мелкими листьями, они едва сдерживали на своих ветках россыпи крупных полосатых ягод. Между кустов журчала в арыке прозрачная, холодная вода.

Я засмотрелся на ягоды, на арык.

— Что вы там задержались?! — окликнул меня Иван Игнатьевич.

Я догнал садовода, и он, взволнованный еще, и не подозревая о чувствах, разбуженных во мне крыжовником, начал рассказывать:

— Создать сад было давней мечтой моей... Я даже во сне видел, как он цветет, наливается соками. Мичурин говорил: каждый человек должен в своей жизни посадить хотя бы одно плодовое дерево. И я тоже думал: вырастить хотя бы одну яблоню. Но судьба сложилась так, что я, учительствуя, часто переезжал из одного села в другое и не мог этого сделать. Тем больше это желание жгло меня. В 1934 году я приехал в Анос и первым делом посадил у себя под окнами фруктовые деревца.

Я пошел в правление и попросил принять меня в колхоз. Председателем был местный житель, из батраков, Василий Николаевич Рагулин, умный, хозяйственный человек и немножко фантазер. Он мечтал окружить всю деревню садом, чтобы была тут в горах в прямом смысле слова «деревня-сад». И вот мы взялись вместе с ним за это дело. Были неудачи, огорчения. Было их даже очень много. Но я как-то все их сразу забыл, когда сад зацвел. Вместе со мной стояли вот на этом косогоре сотни людей. Я видел в их глазах радость, и к моему горлу подкатил теплый комок. Это было ощущение счастья.

2. Во второй половине дня приехал верхом на серой лошади председатель сельсовета. Загоревший, морщинистый, он был оживлен, как всякий человек, когда выполнит какое-нибудь важное дело.

— Михайлов, — деловито и строго отрекомендовался председатель и, проверив мое командировочное удостоверение, сказал с сожалением: — Не с кем вам будет поговорить, вся деревня на лугах.

Застрекотал кузнечик. Михайлов улыбнулся.

— Вот и в сельсовете у нас находится безвыездно только один этот дежурный... Да по правде сказать, ничего необычного вы у нас и не найдете. Деревня горная, небольшая — меньше сотни дворов. В половине из них живут алтайцы. Еще недавно они обитали в аилах. Ну, а что сейчас? Начнем, скажем, со школы. Конечно, она у нас семилетняя, но помещается в нетиповом здании. Обычный пятистенный дом с пристройкой. Правда, есть пришкольный сад. Этим, пожалуй, похвастать можно. Ребята нынче посадили еще сто пятьдесят фруктовых деревьев и пятьдесят дикорастущих...

— А крыжовник посадили? — перебил я Илью Михайловича.

— Посадили, посадили, — охотно подтвердил он, не подозревая тайного смысла, какой я вкладывал в свой вопрос.

Мы стояли у открытого окна. Солнце пошло уже на закат, но гора Иткай все еще была освещена. В долину реки Анос били, как из прожектора, снопы солнечных лучей, и она казалась золотой. В устье долины у подножья Иткая виднелся сруб какой-то постройки.

— Это что вы строите? Школу?

— Школу, — подтвердил Михайлов. — Вот об этом, пожалуй, тоже запишите в своей тетрадке.

Я побывал в старой школе и на постройке новой. Почерневшее от времени пятистенное здание оказалось довольно просторным. Большие окна на западе выходили во фруктовый сад, на востоке — глядели в искусственное озерко, в которое, журча, беспрерывно вливалась из арыка светлая горная вода. Школа была окружена тихими задумчивыми елями и чем-то напоминала старую помещичью усадьбу.

Но, видимо, старая одежда не устраивает новое поколение аносцев, и оно с нетерпением ждет окончания строительства нового здания: еще более светлого, с еще более просторными классами.

...Под вечер приехал, и тоже верхом, председатель колхоза Анатолий Яковлевич Штейнберг. Он был на покосе на Куюмских альпийских лугах, что находятся в тридцати километрах от деревни.

— Это, знаете, — пояснил Анатолий Яковлевич, — на склонах горы Адиган. Слышали про нее? Травы там — глазом не окинешь. Кони идут до спины в пышном разнотравье, у трактора только труба видна. На Адигане и наша молочно-товарная ферма и маслозавод. Пастухи поднимаются со стадами почти до самых ледников.

Велики просторы земель аносского колхоза: от самой западной точки до самой восточной — 73 километра. Михайлов приехал с восточной, из Верх-Аноса, Штейнберг — с западной. Оба довольны. Весь день люди не уходят с лугов. Работа спорится, покорно ложится трава под ноги людей, дружно встают один за другим стога сена.

Еще в областном городе мне сказали, что аносский колхоз — большое многоотраслевое хозяйство: кроме пашни, здесь семь различных ферм.

— Да, у нас их семь, — подтвердил председатель колхоза и суховато, словно нехотя, перечислил поголовье каждой фермы: на молочно-товарной — 432 головы, на конеферме — 476, на овцеферме — 2 300, на звероферме — 52. Есть и свиноводческая, и птицеводческая фермы, и пасека.

— Немало у вас скота, — сказал я. — Почти по двадцать голов на каждого трудоспособного. Почему же вы говорите таким тоном, словно недовольны?

— Чем же тут быть довольным? Возьмем МТФ. Там больше всего занято рабочих рук, а доходность ничтожная: скот беспородный, малопродуктивный. В овцеводческой ферме нет ни одного мериноса.

— Только лисы у нас породистые, — председатель улыбнулся, — настоящие черносеребристые, дорогие, но их только 52 штуки. А чем их больше, тем выше процент доходности. И вот надо по крайней мере вдвое увеличить звероферму.

Анатолий Яковлевич посмотрел в окно.

— Вон та Закатунская гора, — сказал он, — может прокормить сотни коз-пухоносов, а у нас их всего лишь пятьдесят. А ведь это — золото. С лошадьми лучше. Выносливые, ловкие, нетребовательные — настоящие алтайские. Но и здесь беда — некуда их сбывать. По плану мы должны иметь 300 голов, а имеем 476 и никак не можем продать излишние 176 лошадей. Во всех горноалтайских колхозах своих лошадей достаточно, а из степи покупатели не приезжают. Не требуются им лошади, что ли? Неужели лошадиные силы машин уже полностью вытеснили коней?

В комнату один за другим заходили старики-колхозники. Первым явился весь белый, с румянцем на щеках, семидесятилетний Селиверст Захаров, за ним Тимофей Цирюльников — еще более древний, но такой же крепкий и бодрый.

— Ценные старики, — шепнул мне председатель, — луга на центральной усадьбе мы закрепили за ними, и они все вышли на покос.

«Ценные старики», пахнувшие лугами, клевером, степенно сели на скамьи. Услышав рассказ председателя, они вступили в наш разговор. Завязалась беседа, тему которой можно было бы назвать так: «Об избытке и недостатках». Колхозники согласились со своим председателем, что их артель до последнего времени стремилась только к тому, чтобы выполнить план по количеству скота и почти совсем не заботилась, чтобы завести породистый скот, повышать продуктивность животноводства. И вот план по поголовью выполнен, а доходы колхоз получает низкие: скота избыток, а дохода недостаток.

Такое же положение, как я позднее узнал, во всей Горно-Алтайской автономной области. За пять месяцев текущего года колхозы области государственный план развития животноводства выполнили успешно. Несколько недовыполнен план только по крупному рогатому скоту. А вот с продуктивностью все наоборот: удой на одну фуражную корову составляет 745 литров вместо 1 000 литров по плану, настриг шерсти — 1,5 кг вместо 3,3.

— Вот мы и мечтаем, — сказал «ценный старик» Селиверст Захаров, — чтобы у нас избыток был не в скоте, а в доходах.

— А разве вы считаете, что поголовье уже не требуется увеличивать? — спросил я.

— Что вы! — протестующе замахали руками все мои собеседники. — У нас в этом пределов нет.

Председатель артели Анатолий Яковлевич пояснил:

— В нашем колхозе пять тысяч гектаров альпийских лугов. Чтобы заготовить сено для всех наших ферм, достаточно скосить траву только с двух тысяч. А с трех тысяч трава уйдет под снег. Это расточительство. Значит, поголовье нам надо увеличивать.

Анатолий Яковлевич до нынешнего года был учителем местной школы. Колхозом руководили, часто сменяясь, люди мало подготовленные, не имевшие образования.

— Нам это не подходит, — заявили колхозники и дружно избрали своим председателем учителя Штейнберга, так же как в свое время назначили садоводом учителя Воронкова.

3. В вечерние сумерки я был в библиотеке. Обширный читальный зал, заставленный длинными столами, был ярко освещен электричеством. Свет горел в окнах домов. Цепочки электролампочек сияли вдоль улиц. «Пойманная молния», — вспомнил я старую алтайскую легенду о том, как богатыри ловили молнии и освещали ими ущелья гор.

Деревня Анос освещается Чемальской гидроэлектростанцией. Это одна из двадцати «молний», «пойманных» колхозами в долинах горного Алтая. Осуществляется мечта горноалтайских сказителей. Но еще днем председатель артели сказал мне, что колхоз не устраивает «молния», которая только освещает. Надо заставить электричество работать в животноводстве.

В зале библиотеки сидело несколько человек молодежи. Одни из них читали свежие газеты, другие тихо о чем-то разговаривали между собой. Я просматривал абонементные карточки.

«Нина Тукаева», — прочитал я на карточке, и вслед за этим — длинный перечень прочитанных ею в 1953 году книг.

— Кто эта Нина Тукаева? — спросил я библиотекаршу Ирину Гусельникову.

— Доярка.

«Борис Тызыянов».

— А это кто?

— Тракторист.

Знакомиться с абонементными карточками пришлось долго. В библиотеке берут книги свыше двухсот читателей — по два человека из каждого двора. Все эти читатели были на сенокосе, на Верх-Аносских и Куюмских альпийских лугах. Но вместе с ними поехали туда библиотечки-передвижки. И когда кончается на лугах «световой день», люди садятся у костров и читают новинки.

— Вот только книг у нас мало, — пожаловалась Гусельникова. — Всего четыре с половиной тысячи.

— Мало? — удивился я. — Да ведь это в среднем по 25 книг на читателя.

— Мало! — упрямо повторила библиотекарша, и ее поддержали все молодые люди, сидевшие в библиотеке. Это, оказалось, деревенская интеллигенция: Ильинская — фельдшер, Заиграева — учительница, Минеева — агроном-садовод, Ильинский — заведующий клубом, Макрушин — заведующий радиоузлом, Останина — зоотехник.

Все они — здешние, аносские, все учились в аносской семилетке, а потом, кончив техникумы, вернулись в свои родные места.

Завязался общий разговор. Вспомнили Рагулина (он погиб на фронте в Отечественную войну), его мечту об обширном фруктовом саде.

В мечту свою Василий Рагулин вкладывал нечто большее, чем только получение доходов.

— В самом деле, — сказала Ирина Гусельникова, — где бы ни был аносский юноша — в армии ли или в институте, в письмах своих он непременно спрашивает: «А как там наш сад?»

В ту весну, когда впервые зацвел сад в колхозе, все аносские дети забрались на косогор и смотрели на него с восхищением. Потом они посадили сад около своей школы. И сады стали для них поэзией детства, юности, первой любви. И первой пробой творческих сил. И сладостью первой победы над природой.

— Знаете, жил тут в наших местах лет так пятьдесят тому назад низенький старик с веселыми глазами, — начала рассказ та же Ирина Гусельникова. — Так вот он рассказывал своим сородичам легенду о богатыре Сартакпае. Была у этого богатыря красавица-жена, были умные и такие же сильные, как он сам, дети. Скот его пасся на обильных альпийских лугах. Но Сартакпаю всего этого было мало. Он хотел перестроить весь Алтай...

Я попросил Гусельникову достать с полки томик Чехова и прочитал своим собеседникам рассказ «Крыжовник» о Чимше-Гималайском, который всю свою жизнь ухлопал на то, чтобы приобрести именьице и развести в нем крыжовник. И когда мечта его осуществилась, он располнел, обрюзг, ел крыжовник и почти не вставал с кровати. Людям казалось, что он, «того и гляди, хрюкнет в одеяло». И он считал, что достиг счастья.

Возмущенный таким «свиным счастьем», Чехов писал: «Принято говорить, что человеку нужно только три аршина земли... Человеку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шар, вся природа, где на просторе он мог бы проявить все свойства и особенности своего свободного духа».

Господство этого «свободного духа» я чувствовал буквально во всем, когда знакомился с жизнью горноалтайской деревни Анос. Людей ее не устраивает недостаточно просторное здание школы, и они строят новое. Им мало четырех с половиной тысяч книг в своей библиотеке, и они увеличат ее до десятка тысяч. Они не удовлетворяются тем, что электричество только освещает их дома, и они заставят его стричь овец, доить коров, подавать воду в скотные дворы, приготовлять корм. Они хотят скашивать траву со всех своих альпийских лугов, и они этого добьются. У них будет и высокопородистый и высокопродуктивный скот. Пройдет еще несколько лет, и они сделают неузнаваемыми свои горные долины.

Они — новые люди, советские люди. И они имеют все возможности полностью проявить «все свойства и особенности свободного духа».

г. БАРНАУЛ

В семидесятых — восьмидесятых годах прошлого столетия Л. Н. Толстой проводил почти каждое лето в небольшом имении в бывшем Бузулукском уезде, Самарской губернии. В 1873 году Заволжье поразил страшный голод, свидетелем которого был великий писатель. Толстой сам обошел и объехал голодающие села Гавриловку, Патровку, Землянки и другие. К издателям «Московских ведомостей» писатель обратился с письмом о самарском голоде. Это письмо, адресованное к общественности России, послужило толчком для повсеместного оказания помощи голодающим Заволжья.

...Неузнаваемы эти места в наши дни. Счастливой, зажиточной жизнью живут трудящиеся Заволжья, в том числе колхозники Алексеевского района, Куйбышевской области, где бывал Толстой. На снимках: 1. В колхозной библиотеке села Гавриловка. 2. В больнице имени Л. Н. Толстого в Ясной Поляне.

Фото С. Кропивницкого, С. Иванова-Аллилуева и В. Савостьянова.

ЯСНАЯ ПОЛЯНА

Николай АТАРОВ,
Ефим ДОРОШ

Мы остановились на ночлег у яснополянского крестьянина Ивана Васильевича Егорова, сторожа музея-усадьбы, работавшего в молодости кучером у Льва Николаевича Толстого. В чистой, оклеенной голубыми обоями горенке, над кроватью, висели на стене обычные в крестьянском доме семейные фотографии. Здесь были солдаты японской и первой мировой войны, и наши сверстники — тоже в военных шинелях, и школьники, и студенты... Среди всех этих фотографий была еще одна, тоже как будто семейная, очень старая: зимним днем, когда пылит поземка, стоя в легких, с подрезами, санках, натягивает вожжи, придерживает коней молодой парень в кучерской шапке, а за ним, за его плечами — Лев Толстой.

Что удивительного было в этой фотографии? В историко-литературных сборниках или на выставках она занимала бы свое скромное место среди других изображений великого писателя в последние годы его жизни. Там, в этих сборниках, мы вглядывались бы в лицо Толстого, а все остальное на снимке, в том числе кучер, воспринималось бы лишь как бытовая документация, как приметы далеко отодвинутого от нас времени. И в самом деле, ведь только отцы, а то и деды наши видели — барскую усадьбу, санки с подрезами, стоящего в санках кучера в подбитом ватой армяке... Но этот молодой кучер, о котором Толстой чуть не полвека назад писал в дневнике: «Ездил с Иваном», теперь уже старик, украшенный окладистой бородой, сидел с нами за столом, говорил о колхозном покосе, о соседнем доме отдыха шахтеров... Отошедшее время сразу придвинулось. Было интересно вглядываться в лицо старика-хозяина и узнавать в нем черты молодого яснополянского мужика, ездившего с Толстым — с Толстым, который родился сто двадцать пять лет назад, еще в пушкинские времена, спустя три года после восстания декабристов.

В Ясной Поляне, где Лев Николаевич Толстой родился в дедовском доме, прожил в общей сложности больше пятидесяти лет, где он задумал и написал многие из своих бессмертных произведений и похоронен в старом лесу, — как-то особенно чувствуешь русскую историю, весь ход России, ломившейся из феодальной патриархальности, из крепостничества в капитализм, России, вот уже на наших глазах сломавшей ненавистный капиталистический строй и осуществившей социалистическую революцию.

Утром мы вышли из дому. Иван Васильевич торопился на работу в усадьбу, он загнал метлой кур с улицы, запер на щеколду калитку и, отвечая на наши вопросы, показал рукой, как пройти на Калиновый луг, где когда-то Толстой косил с крестьянами, как выйти к деревне Грумант, как найти Кочаковский погост, где похоронены предки Толстого.

Деревня стоит высоко, на косогоре, и далеко видно вокруг. Видно то, что видел еще молодой Толстой, когда писал «Утро помещика», и то, что появилось при его долгой жизни, и то, что сделано людьми сейчас, в наше время. Луга и поля за вековыми ивами деревенской улицы. Заполненные в этот час туманами овраги. Освещенные утренним солнцем леса, которые садил сам Толстой. Автомобильная дорога с бегущими машинами. Черепичные крыши новых заводских поселков. Высокие мачты электропередачи, которая шагает, как ей положено, по жнивью, по зяби, через изволоки, к синеющей на горизонте гряде тульских засечных лесов, а эти леса заслоняли Московскую Русь еще от татарских набегов.

Здесь все соединилось воедино. Природа и история нашей Родины как бы собрали здесь, на небольшом куске земли, который за день обойдешь пешком, многие черты, необходимые для того, чтобы гениальный писатель смог нарисовать широчайшие картины русской жизни. Эти картины вместили в себя всю Россию, как она запечатлелась в сознании великого художника-реалиста, — и оборону Севастополя, и самарский голод, и московские ночлежные дома — и все же именно на Ясной Поляне, на этом сколке России, полстолетия был сосредоточен всепроникающий взгляд Толстого. «Без своей Ясной Поляны я трудно могу себе представить Россию и мое отношение к ней», — писал молодой Толстой.

Здесь, в галерее барского дома, испытал очарование летней ночи Николенька Иртеньев. Здесь видел Толстой дворового человека, с которого писал своего Поликушку. Сюда приехал девятнадцатилетний Толстой, оставивший университет, с мечтой улучшить жизнь своих крепостных. И усадьба Нехлюдова из «Утра помещика» — это Ясная Поляна. И Андрей Болконский въезжал в имение отца — здесь по «Прешпекту», мимо вот этого пруда. Здесь, в Николо-Кочаковской церкви, в пасхальную ночь стоял у заутрени Нехлюдов и влюбленно глядел на Катюшу Маслову. И кабинет Левина, и конюшни Холстомера, и старый кожаный диван, «обитый медными гвоздиками», на котором родился Толстой, и вековые дубы в Чепыже, и упрямый, несгибаемый татарник, пленительным описанием которого начинается «Хаджи-Мурат», — все, все яснополянское...

Родная земля знакомила Толстого с щедрой красотой и мощью русского народного характера, русского человека, а Толстой, перерабатывая эти впечатления, знакомил со своим великим народом весь читающий мир.

И в наши дни яснополянская земля, отмеченная бесчисленными знаками новой эпохи, продолжает знакомить с Россией — с тем, как она изменилась...

Покачиваются и шумят вершины деревьев. Они сплелись ветвями, и солнце едва пробивается сквозь густую листву. Под кленами, липами, березами в черную и влажную землю дороги впечатаны редкие желтые листья и частая крупа березовых семян. Впереди, за свернувшей в сторону дорогой, на краю поросшего лесом оврага — могила; у подножья могучего дерева маленький прямоугольный холмик, убранный папоротником и цветами. Можно стоять долго-долго с одной всепоглощающей мыслью: здесь Толстой... То, что нарушает раздумье, входит звонкими голосами в утреннюю тишину яснополянского леса, — это дети. Они бегут, где-то поодаль, по лесной тропинке из деревни Грумант в школу. Между стволами деревьев, сквозь ветви молодого подлеска мелькают красные галстуки, белые пелеринки девочек.

Детские голоса возвращают к нашим дням.

Многое изменилось на этой земле. Деревни Грумант и Ясная Поляна — бригады здешнего укрупненного колхоза. Вместо деревянного «павильона», где дочь Толстого, Мария Львовна, окончив фельдшерские курсы, лечила крестьян, построена рядом с заповедником большая каменная больница с рентгеновским кабинетом, с родильным отделением, с санаторным отделением для костнотуберкулезных больных. Маленькая станция Ясенки — теперь большой шахтерский город Щекино. И когда едешь от Тулы до Щекина, мимо Косогорского завода, мимо новых заводских поселков, то создается впечатление, будто это один сплошной город, разбросанный в полях и лесах, вдоль асфальтированного шоссе.

И все же самые главные, коренные изменения видишь в людях, в детях.

Белая, многооконная, как южный санаторий, возвышается на бывшей Кабацкой горе, наискосок от усадьбы Толстых, Яснополянская средняя школа. Она построена, как и больница, уже в советское время. Многие из мальчиков и девочек, которые сейчас взбегают по ступеням на холм, в школу, носят фамилии, встречающиеся в дневниках и заметках Толстого. Фокановы, Зябревы, Зорины, Балхины, Базыкины, Резуновы, Кондауровы.

Это правнуки и внуки крестьян, судьба которых потрясала Толстого, потомки тех, кто босиком бегал из курных изб в открытую Толстым школу.

Каждый день в течение более пятидесяти лет, с ужасом вглядываясь в жизнь предков сегодняшних школьников, Толстой записывал: «все примерли и изба запустовала...», «обесхлебел, обезлошадел, обезлесел, обессилил, обездомил...» Заходил в разгороженные дворы и видел ребят, обстриженных от вшей, и образа, снятые от дыма, и слышал страшные слова матери о собственных, еще оставшихся в живых детях: «Хоть бы и эти померли».

И глядя на разорение пореформенной деревни, невольно выражая всю, ею накопленную, ненависть и злобу, писал: «Это шайка разбойников — судьи, министры, цари, чтоб получать деньги, губят людей...»

Сегодня даже представить трудно, каким кричащим противоречием проходила через душу Толстого та далекая от нас жизнь, в которой совмещались и любимая им усадьба, Ясная Поляна, с ее милыми троицыными днями, с росистыми белыми туманами, с луной за березами, с писанием «Казаков», с косьбой на Калиновом лугу, — и та, другая Ясная Поляна, что за оврагом, деревня с раскрытыми от бескормицы крышами, с полями, где «нигде травинки высокой, все подъедено», со становыми, урядниками, со старой, мимо идущей орловской дорогой, по которой бредет и бредет доведенный до последней степени нищеты и отчаяния, бродячий, голодный и холодный, бездомный люд...

«У нас за столом редиска розовая, желтое масло, подрумяненный мягкий хлеб на чистой скатерти, — писал Толстой Фету, — в саду зелень, молодые наши дамы в кисейных платьях, рады, что жарко и тень, а там этот злой чорт голод делает уже свое дело, покрывает поля лебедой, разводит трещины на высохнувшей земле и обдирает мозольные пятки мужиков и баб и трескает копыта скотины...»

«Приходской учитель», как он себя называл, учивший грамоте детей своих крепостных крестьян, мировой посредник, защищавший мужика, который срубил дерево в его же лесу, гениальный писатель-реалист, видевший все противоречия своего времени и не увидевший настоящего выхода из них, — он представляется сегодня великим узником, который в бессильной ярости трясет прутья в окнах своей тюрьмы. Он мог своими руками посадить вот эти леса, вспахать десятину у вдовы, купить сруб погорельцу, но он был бессилен что-либо изменить в мире...

Когда мы входим в школу, сквозь неплотно прикрытую дверь актового зала доносится музыка, детские голоса поют «Горные вершины» Рубинштейна. Когда-то этот романс слышался в Ясной Поляне только из окон господского дома, где и сейчас в зале стоят под чехлами два рояля. Старая учительница Елизавета Васильевна Соловьева вот уже двадцать пять лет преподает музыку, пение яснополянским детям. У школьного рояля звучат и глинковский «Жаворонок», и «Желание» Шопена, и «Колыбельная» Моцарта — все то, что любил Толстой. Школьники произвели целые изыскания, чтобы найти мелодию «Ключа» и спеть, хором спеть то, что пели дети семьи Ростовых в романе «Война и мир».

Иван Иванович Левченко, директор школы, показывает нам физический кабинет, ведет в школьный планетарий. Это удивительная вещь даже для городской, а не то что сельской школы: здесь все, кроме «точечной лампы», присланной из Москвы, сделано ребятами и учителем географии и астрономии Викентием Робертовичем Гласко.

А потом мы идем в комнату, где хранятся работы школьного технического кружка. Иван Иванович показывает нам действующие модели шагающего экскаватора, портального крана, земснаряда, водопровода, макеты металлургического завода и шахты... Дети из Ясной Поляны, из Груманта, из Первомайского поселка изготовили то, о чем они читают, что видят.

Этим летом, рассказывает Иван Иванович, Яснополянская школа возила в Москву свою выставку. Ее посетили 3 500 учителей из разных школ страны. Всех поразили успехи политехнического образования в сельской школе, то совершенное мастерство, с каким выполнены все эти модели машин, макеты, наглядные пособия. Но выставка Яснополянской школы была интересна еще и другим — тем, что представили на ней крестьянские ребята. Глядя на экспонаты, можно было сказать: вот какие они теперь, дети Фокановых, Базыкиных, Резуновых!

В разгар лета приехали в Москву после Венской всемирной конференции учителей педагоги различных стран — Китая, Вьетнама, Бирмы, Индии, Бразилии, Кубы, Аргентины. Они тоже пришли на эту выставку.

Мальчик Саша, ученик десятого класса, водил иностранных гостей и показывал. Когда дошли до электрифицированной карты полезных ископаемых мира, которая устроена так, что только тронь правильно палочкой-указкой, и засветится значок, обозначающий уголь, железные руды, золотые месторождения, — тут всех развеселил учитель с далекой Кубы. Он вглядделся с комическим испугом в то место земного шара, где должна быть его маленькая родина, — а ее нет! Он хохотал и спрашивал: «Где же Куба?..» И русский мальчик-экскурсовод тоже смеялся и пытался своей палочкой показать маленький, но дорогой кубинскому учителю остров. И тогда подошел другой учитель, из Бразилии, и приколол к сашиной куртке значок. На нем была изображена контурная карта Бразилии и написано: «Это земля наша!» — слова, которые объединяют тамошних патриотов в их борьбе против экспансии и посягательств Соединенных Штатов Америки.

Оглядываешь со Школьной горы яснополянскую землю, нашу землю, которую, как и всю великую Родину, народ освободил от «шайки разбойников», отвоевал для своего счастья... Видишь у въезда в усадьбу, у круглых белых каменных башен вереницу легковых машин и автобусов, еще не просохших от ночной росы...

Ленин писал, что Толстой «дал художественные произведения, которые всегда будут ценимы и читаемы массами, когда они создадут себе человеческие условия жизни...»

Это время давно пришло. И люди, создавшие общественный строй, обеспечивший им человеческие условия жизни, гордятся Ясной Поляной, съезжаются сюда со всей страны. Они видят в Ясной Поляне и народную святыню и самих себя, — то, что они сделали на своей земле.

Иллюстрации художника Д. Шмаринова к роману Л. Н. Толстого «Война и мир».

СИЛА ПРАВДЫ

Валентин КАТАЕВ

Герой всего творчества Льва Толстого — правда, та высшая человеческая правда, которая не может примириться с существованием в мире зла, порожденного капитализмом, дошедшим еще при жизни Толстого до геркулесовых столбов зверства, идиотизма и подлости.

В исторически неизбежном, кровавом столкновении труда с капиталом Лев Толстой всегда твердо и последовательно стоял на стороне труда. Он не сделал революционных выводов. Эти выводы сделали другие. Но всю свою жизнь Толстой боролся со всеми государственными и общественными институтами, созданными угнетателями для подавления рабочего класса и крестьянства. Суд, полиция, жандармерия, буржуазная пресса, прогнившее буржуазное искусство декаданса, буржуазный брак, международные монополии, банки, картели, тресты, чудовищная гонка вооружений, колониальная политика — все это вызывало в Толстом чувство глубочайшего протеста, омерзения и гнева.

Ни один художник в мире не сумел с такой гениальной силой, с таким сарказмом и с такой неотразимой логикой разоблачить паразитические классы общества. Нет нужды перечислять произведения Толстого, в которых он срывает все и всяческие маски с носителей общественного зла, порожденного волчьими законами «священной частной собственности», ненавидимой им всей душой.

Царское правительство — одно из самых страшных и мрачных правительств старого мира — ненавидело и боялось Толстого. Князья официальной церкви отлучили его и предали анафеме.

Я помню день смерти Льва Николаевича Толстого. Мне было тринадцать лет, и я только что впервые прочел «Войну и мир», на всю жизнь потрясшую меня своей неслыханной, поистине волшебной силой.

Мне хотелось бежать из дома, как нибудь пробраться в Ясную Поляну, увидеть Толстого, поцеловать его старую, сморщенную руку. Душа моя была в смятении от только что открывшегося для меня нового мира толстовской поэзии.

И вот человек, создавший этот мир,— вдруг умер.

Я бежал в гимназию. Лил дождь. Утро еле брезжило. Чернели зонтики чиновников. И по мокрой, оловянно блестевшей улице бежали газетчики, крича:

— Смерть Льва Толстого! Смерть Льва Толстого!

Люди стояли в подворотнях, разворачивая мокрые газетные листы в черных рамках. Ужас охватил мою душу. Мне показалось, что в мире произошла какая-то непоправимая катастрофа.

Никогда не забуду этот темный томительный день, зияющий траурной пустотой; не забуду отца в сюртуке, без пенсне, сидящего в качалке, опустив голову, с красными от слез глазами; не забуду лихорадочного движения города, усиленные наряды городовых на перекрестках, высыпавших на улицы студентов, курсисток в черных шляпках, мастеровых, которые собирались толпами, порывались куда-то итти и пели «вечная память», и уже где-то над толпой из-за угла мелькнул красный лоскут, и уже послышалось «Вы жертвою пали», и кто-то крикнул крамольное слово «товарищи», и сотни голосов затянули: «Вихри враждебные веют над нами», и послышалось на мокрой мостовой скользящее, срывающееся по булыжнику цоканье казачьих разъездов...

Во всем этом было столько от пятого года, от революции, которую я также на всю жизнь запомнил, что стало поразительно, непреложно ясно: Лев Толстой есть одно из явлений революции.

Я читаю Толстого постоянно. Его книги всегда у меня на столе или на полке над головой. Каждый раз для меня Толстой звучит по-новому. Я всегда нахожу в нем какие-то черты, ускользавшие от меня до сих пор. Думаю, что я буду его читать до самой своей смерти, иногда с ним споря и не соглашаясь, но всегда восхищаясь несравненной мощью его искусства.

Неизмеримо громадно эстетическое наслаждение, испытываемое от чтения Толстого.

Хотя изобразительные средства Толстого всегда удивительно просты, впечатление у читателя получается неизгладимое. Это происходит потому, что у Толстого каждое слово несет предельную смысловую нагрузку. У него нет слов-красавцев, слов-пустоцветов, слов-украшений. У него — простая, могучая, порой внутренняя музыка, ритм, расположение слов в фразе, пунктуация, звукопись — все поставлено на службу мысли.

В творчестве Толстого все подчинено единственному закону — закону правды жизни. И часто Толстой подчинялся этому закону — осмеливаюсь сказать — бессознательно. Высшая правда, которая руководила всем гигантским творческим аппаратом гениального художника Толстого, зачастую и даже почти всегда выше Толстого — человека и философа. Вот почему Толстого, который, как известно, был и противником революции, и создателем «толстовства», т. е. одного из самых реакционных учений, Ленин с полным основанием назвал зеркалом русской революции. Толстой-художник вступил в противоречие с Толстым-человеком, победил его — и это сделало Льва Толстого одним из самых деятельных борцов против мирового капитализма, союзником класса-победителя, т. е. сделало его поистине великим историческим явлением.

Преклоняясь перед Толстым-художником, мы все должны учиться у него со всей силой отпущенного нам судьбой таланта писать правду, одну только правду, потому что правда—это и есть главная сила советского писателя.

Любимый писатель народа

* **55,5 миллиона экземпляров.** Книги Л. Н. Толстого читают на родном языке все народы Советского Союза, в том числе и народы, не имевшие до революции своей письменности. За годы советской власти произведения великого писателя вышли в количестве 55 миллионов 548 тысяч экземпляров на 75 языках. Многократно переиздавались «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение». Повесть «Хаджи-Мурат» выходила 96 раз на 39 языках; «Севастопольские рассказы» — 49 раз, «Казаки» — 44 раза.

* **На украинском языке.** Лев Толстой — один из любимейших писателей украинского народа. После революции произведения его выходили на Украине более ста раз, из них сорок семь раз на украинском языке, общим тиражом — 2 310 тыс. экземпляров.

В нынешнем году в массовой серии вышел на украинском языке сборник рассказов Л. Н. Толстого, в ближайшие дни читатели получат «Севастопольские рассказы», а также третий и четвертый тома романа «Война и мир». Стотысячным тиражом на русском языке изданы «Воскресение» и «Анна Каренина». Республиканское издательство «Молодь» выпустило «Детство», «Отрочество» и «Юность» тиражом в сто тысяч экземпляров, а издательство «Мистецтво» — портрет писателя работы Е. Яблонской.

В сентябрьских номерах журналов «Вітчизна», «Дніпро», «Советская Украина» и «Жовтень» помещены статьи и материалы о жизни и творчестве Л. Н. Толстого.

На фабриках и заводах, в институтах и учреждениях Киева, Львова, Харькова и других городов республики проводятся вечера памяти гениального писателя. 9 сентября в Киеве состоится торжественный юбилейный вечер. Вечера-концерты проведут также областные отделения Союза советских писателей Украины и литературные объединения.

* **В Эстонии.** Специальный стенд большой выставки, открытой в эти дни в Государственной публичной библиотеке Эстонской ССР, отведен первым произведениям Л. Н. Толстого, переведенным на эстонский язык. Первым был переведен и напечатан в 1882 году в журнале «Мээлеяхутая» рассказ «Чем люди живы». Первым произведением Л. Толстого, выпущенным отдельной книгой, был «Кавказский пленник», изданный в 1887 году в Нарве. Позже публиковались «Война и мир», «Анна Каренина» и «Воскресение».

Особенно возросли тиражи книг Л. Н. Толстого в советские годы. Роман «Война и мир» вышел в трех изданиях, выпущены «Кавказский пленник», «Севастопольские рассказы», «Хаджи-Мурат», «Казаки» и другие произведения, общий тираж которых достиг почти 300 тысяч экземпляров.

* **Новые издания.** Литовское государственное издательство выпускает двенадцатитомное собрание сочинений Л. Н. Толстого, Государственное издательство Мордовии — сборник его рассказов на мокшанском и эрзянском языках. Статьи В. И. Ленина о Л. Н. Толстом, роман Л. Н. Толстого «Воскресение», рассказ «После бала» выпущены Государственным издательством Татарии на татарском языке; переведен также первый том романа «Война и мир».

* **На Крайнем Севере.** Якуты, эвенки, чукчи, эвены знают и любят творчество Л. Н. Толстого. В клубе далекого заполярного колхоза «Коммунизм» Оленекского района, Якутской АССР, открыта большая книжная выставка. Среди экспонированных книг — «Анна Каренина», «Кавказский пленник», сборники рассказов писателя, изданные на якутском языке. Месяц назад здесь был сдан в эксплуатацию новый радиоузел. В эти дни оленеводы и охотники с интересом слушают на родном языке передачи из Якутска, посвященные Толстому.

* **Первые публикации.** На выставке, открытой в Государственной научной библиотеке университета имени А. М. Горького (Харьков), представлены номера некрасовского журнала «Современник» за 1852—1857 годы, где впервые опубликованы произведения Л. Н. Толстого — «Детство», «Отрочество», «Метель», «Два гусара», «Севастопольские рассказы». Здесь можно видеть и первый номер журнала «Русский вестник» за 1865 год, в котором начал печататься роман «Война и мир» под названием «Тысяча восемьсот пятый год». Первый номер этого же журнала за 1875 год открывается романом «Анна Каренина».

* **Научные труды.** Институт мировой литературы имени А. М. Горького сдал в печать сборник, посвященный творчеству Л. Н. Толстого. В статьях, публикуемых в сборнике, раскрываются эволюция творчества Толстого, художественные особенности его произведений, обличение великим писателем современной ему действительности. В юбилейные дни состоится расширенное заседание ученого совета института и объединенная научная сессия Отделения литературы и языка и Отделения исторических наук Академии наук СССР.

ВЕЛИКАЯ НАРОДНО-ГЕРОИЧЕСКАЯ ЭПОПЕЯ

Б. БУРСОВ

Ко времени создания «Войны и мира» реалистический роман занял выдающееся место в передовой русской литературе. Еще Белинский провозгласил роман ведущим жанром. Чернышевский и Добролюбов утверждали, что особенности романа, как жанра, позволяют наиболее глубоко раскрывать общественные закономерности. Передовому русскому роману были всегда свойственны стремление к широким обобщениям и эпический размах.

Крупнейшей вехой в развитии русского романа, русского реалистического искусства является «Война и мир» — гениальное произведение великого художника-новатора.

Работа над «Войной и миром» была начата в 1863 и окончена в 1869 году. Как известно, Толстой думал написать роман, действие которого должно было относиться к 1856 году, когда декабристам было разрешено вернуться из ссылки. Постепенно замысел расширялся и уточнялся. Толстой приходит к мысли создать произведение, в центре которого — народ, произведение, изображающее целую эпоху. В наброске предисловия к будущему роману Толстой писал в 1863 году, что «не Наполеон и не Александр, не Кутузов и не Талейран будут моими героями».

«Война и мир» — это и русская национальная героическая эпопея, и величайший социальный роман, с громадной силой и глубиной раскрывающий противоречия и конфликты эпохи.

Сложный, многоплановый, изображающий важнейшие исторические события и интимнейшие личные переживания, роман этот отличается необычайно четкой и ясной, до мельчайших деталей продуманной композицией.

Композиционный центр первого тома — Аустерлицкое сражение. В этом томе преобладают армейские сцены, а сцены мирной жизни в значительной мере посвящены изображению высших столичных кругов.

Здесь Толстой беспощадно осудил столичное дворянство и правящие круги России (включая и царский двор) за их антипатриотичность, духовную опустошенность, тщеславие и стремление к наживе; он показал, что тот путь исканий, которым шел Андрей Болконский, был ошибочным, ибо Андрей, осознав бессмысленность и никчемность светской жизни, не понимал, что плодотворная деятельность немыслима в отрыве от народа.

Второй том почти исключительно посвящен описанию «мира». Но именно со страниц этого тома отчетливо встает замечательный образ России, которой вскоре предстояло пройти через великие испытания.

Картина Бородинского сражения — это композиционный центр не только третьего тома, но и всего романа в целом. В Бородинском сражении пришли в действие, наиболее полно проявились все силы русского народа, раскрылась сила и глубина его патриотизма. Бородино глубже раскрывает основные мотивы первого и второго томов, оно предвещает народную войну, рассчитанную на уничтожение врага,— тема четвертого тома.

Сила армии, изображенная Толстым, прежде всего — в солдатах, составляющих основную массу армии. Определяющее качество военного человека — чувство долга перед родиной, это чувство, органически присущее народу, хотя в ту эпоху и не вполне осознанное им самим. Пьер Безухов понял это накануне Бородинского сражения, когда ему стал ясен «весь смысл и все значение этой войны и предстоящего сражения. Все, что он видел в этот день, все значительные, строгие выражения лиц, которые он мельком видел, осветились для него новым светом. Он понял ту скрытую... теплоту патриотизма, которая была во всех тех людях, которых он видел и которая объяснила ему то, зачем все эти люди спокойно и как будто легкомысленно готовились к смерти». Отсюда и его желание стать солдатом, «просто солдатом!». А это сделать было не так просто, для этого требовалось «скинуть с себя все... лишнее».

Таким образом, в канун Бородинского сражения и в самом ходе его Пьеру Безухову до конца открылись и сущность народного характера, который он до тех пор не мог разгадать, и главные недостатки его собственной натуры.

В «Войне и мире» образ народа создается описанием и его героического поведения на полях сражения и его повседневной жизни — нищей и подневольной. Решению этой задачи подчинено и построение центральных образов романа — Пьера Безухова и Андрея Болконского. Проблема народа определяет их идейно-нравственные искания.

В образах романа русская социально-историческая действительность первой четверти XIX столетия получила полное и всестороннее освещение. И Пьер Безухов и Андрей Болконский — любимые герои Толстого — не удовлетворены окружающей их жизнью. Они хотели бы видеть Россию не такой, какой она была, но не могут понять, как ее нужно и можно изменить. Пьер верит в возможность этого изменения, потому что верит в силы и патриотизм народа. Андрей Болконский, веря в высокое назначение человека, стремясь оправдать это назначение, не видит возможности общего блага, так как он далек от народа. Он не нашел применения своим силам и способностям в сферах официальной России и, в сущности, оказался во враждебных отношениях с нею. Андрей Болконский видел и другую, демократическую Россию, которая остается для него весьма далекой, но которой он, несомненно, сочувствует. Он видел героизм солдат и простых русских офицеров, противостоящих бездарной и враждебной народу военной верхушке. Простые и мужественные характеры русских воинов — капитана Тушина и капитана Тимохина — даны в романе через восприятие Андрея Болконского. Через его восприятие раскрыта решимость русских солдат одержать победу в Бородинском сражении, его глазами показаны особенности Кутузова как великого русского полководца.

Судьба Андрея Болконского трагична. Источник этого трагизма — в противоречивости его мировоззрения: он глубоко понимает жизнь (накануне Бородинского сражения Андрей Болконский говорит Пьеру: «— Ах, душа моя, последнее время мне стало тяжело жить. Я вижу, что стал понимать слишком много») и в то же время лишен веры в победу доброго и справедливого начала над злым и несправедливым.

Пьера Безухова глубоко волнуют мысли о благе народа и человечества. Вопрос о благе народа Пьер Безухов пытается решить и теоретически и практически. Эти попытки Толстой показал, изображая деятельность Пьера, как помещика. В этих главах Пьер отчасти напоминает Дмитрия Нехлюдова из «Утра помещика»: он также занимается благотворительностью по отношению к своим крепостным и также ничего не достигает. При всей общности сцен, изображающих Пьера в деревне, со сценами из «Утра помещика», между ними — существеннейшее различие. К Дмитрию Нехлюдову Толстой относился в высшей степени сочувственно, деятельность Пьера Безухова, как помещика, изображена откровенно иронически.

Крестьянский вопрос был одним из решающих вопросов во всем творчестве Толстого, в том числе в такой глубоко народной эпопее, как «Война и мир». Путь, которым шел Дмитрий Нехлюдов в решении крестьянского вопроса, отвергается Толстым, как несостоятельный. Другого он еще не знает. Вот почему сцены, рисующие конкретные взаимоотношения помещиков с крестьянами, занимают в романе такое малое место, а филантропические попытки Пьера освещаются с явной иронией.

Пьеру, как помещику-филантропу, противопоставлен в эпилоге Николай Ростов, в сущности, помещик-крепостник. Они появляются в эпилоге романа как антиподы. Николай Ростов мечтает о сохранении существующих порядков, он всегда готов по приказу Аракчеева выступить эскадроном и рубить тех, кто будет противодействовать правительству, пусть в числе их и окажется его лучший друг Пьер Безухов. Пьер Безухов, напротив, думает о том, как изменить существующий строй, для чего вступает в тайное политическое общество.

Все вопросы, которые волновали Пьера Безухова, в том числе и крестьянский вопрос, остаются нерешенными, на них не давал ответа и образ Николая Ростова-помещика. Образ Пьера Безухова, замыкающий роман, силой своего реалистического содержания оттесняет Николая Ростова-помещика. Последнее слово в романе остается за Пьером, хотя и он не дает ясного и определенного ответа на вопросы, волновавшие писателя.

Программа того тайного общества, к которому он принадлежит, весьма неопределенна. Несомненно, однако, что один из ее пунктов составлял крестьянский вопрос, являвшийся стержнем идейно-нравственных исканий Толстого.

Толстой стремился установить некие «конечные причины», определяющие развитие стран и народов, человечества в целом. Известно, что он не мог найти этих причин. Те отвлеченные философские цели, которые Толстой ставил перед собою почти в каждом своем значительном художественном произведении, отступали на задний план перед изумительными картинами реалистически изображаемой действительности.

«Война и мир» — роман об исторических судьбах народов и государств, о причинах кровавых столкновений и путях мирной жизни. В «Войне и мире» Толстой, как художник, решал задачу правильного изображения героической борьбы русского народа за свою национальную самостоятельность и независимость; Толстой, как философ и моралист, стремился доказать, что народы и отдельные люди не властны над своей собственной судьбой, что во всех своих помыслах и действиях они подчинены некоей «высшей силе», поступают и думают так, как ею предначертано. Толстой-философ отрицал всякую роль личности в истории. Он стоял на позициях фатализма, который нашел наиболее полное художественное воплощение в образе Платона Каратаева, весьма далеком от принципов реализма.

В образе Кутузова историко-философские взгляды Толстого вступили в особенно заметное противоречие с его огромным талантом художника-реалиста. Многие черты, которыми наделен Кутузов, не соответствуют его историческому облику. Толстой-философ нередко подчеркивает, что Кутузов считал бесполезным вмешиваться в ход событий, что он презирал и знание и ум, а знал что-то другое, что должно было решить дело. Толстой-художник рисует Кутузова как полководца, действующего по заранее обдуманному плану, как подлинного организатора победы русских войск над наполеоновской армией.

Война 1812 года, будучи справедливой, Отечественной войной для русских войск, была несправедливой, захватнической для наполеоновской армии. Это с особой силой воплощено в образах Кутузова и Наполеона.

В Кутузове Толстой выдвигает на первый план гуманистическое начало, Наполеон же трактуется как носитель начала антигуманистического: он не мог понимать «ни добра, ни красоты, ни истины, ни значения своих поступков, которые были слишком противуположны добру и правде, слишком далеки от всего человеческого, для того, чтобы он мог понимать их значение».

Идейные искания Толстого были связаны с постановкой и решением коренных проблем исторических судеб России и русского народа. Это и позволило Толстому, гениальному художнику, совершить шаг вперед в художественном развитии всего человечества.

При всех противоречиях, свойственных ему, Толстой отразил в своем творчестве нарастание революционной энергии народных масс. Мировое значение его творчества определяется мировым значением первой русской революции.

Ленин неоднократно отмечал, что Толстой превосходно знал Россию, русский народ. Эту же мысль подчеркивал и Горький в своих высказываниях о Толстом. По его словам, человек, не знающий Толстого, не знает и своей родины, он не может считать себя культурным человеком.

Толстой — один из самых взыскательных художников мира. Это ему принадлежат слова о труде писателя: «Страшная вещь наша работа...». Толстой имеет при этом в виду и изучение писателем жизненного материала, и работу над самими произведениями. Семь лет непрерывного труда отдал он «Войне и миру». Не щадя сил, искал он такой формы, которая бы соответствовала содержанию задуманного произведения, опираясь при этом на опыт всей русской литературы, новаторской по самому существу своему. Ему, как и всякому действительно великому художнику, приходилось прокладывать новые пути в искусстве. В статье «Несколько слов по поводу книги: «Война и мир» Толстой писал:

«Что такое Война и Мир? Это не роман, еще менее поэма, еще менее историческая хроника. Война и Мир есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось».

Писательское мастерство и новаторство гениального художника сказались как в общей архитектонике гигантского произведения, так и во всех его деталях. Самый жанр произведения, не известный ранее в мировой литературе, — роман-эпопея, — создан был для раскрытия основной мысли его — **народной мысли,** по определению самого Толстого. Раскрытию **народной мысли** «Войны и мира» служат, как мы видели, композиция ее, сюжет, принципы построения коллективного образа народа и индивидуальных образов основных героев, прежде всего образов Пьера Безухова и Андрея Болконского.

«Война и мир» сыграла выдающуюся роль в развитии русской и всей мировой литературы. Она оказала и продолжает оказывать огромное влияние на советскую литературу. Следы ее плодотворного воздействия видны в произведениях Михаила Шолохова, Алексея Толстого, Александра Фадеева и других советских писателей.

Когда советские писатели работают над коллективным образом народа-победителя, когда они стремятся показать слитность советского человека со своим народом, раскрыть в человеке нашей эпохи его преданность родине, патриотизм, проникнуть в глубину человеческих переживаний, когда они решают все эти творческие задачи, перед ними возвышается как совершенный и непревзойденный образец мастерства гениальная эпопея Толстого.

«Война и мир» — не только величайший памятник культуры прошлого, но и живое явление нашей современности. «Война и мир» — это гимн русскому народу, его великому патриотическому подвигу. Воспевая героизм русской нации, смело поднявшей «дубину народной войны», Толстой рисует ее как миролюбивую нацию, с уважением относящуюся ко всем другим народам мира.

Вот почему голос Толстого — автора «Войны и мира», звучавший, как голос нашего современника в годы Великой Отечественной войны, звучит и сейчас, когда наш народ высоко поднял знамя борьбы за мир во всем мире, сплачивая вокруг себя все миролюбивые народы.

В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА

Герои „Войны и мира“

Выразить содержание, дух книги — такова творческая задача, которую ставит перед собой художник Д. Шмаринов. Читателю известны его иллюстрации к «Петру Первому» А. Толстого, стихам Некрасова, к «Делу Артамоновых» Горького. И по тому, как разнообразны эти рисунки, видно, насколько стиль, творческое своеобразие писателя заставляют художника обновлять приемы своей работы.

Воссоздание в рисунках образов «Войны и мира» Толстого стало для Шмаринова большим делом его творческой жизни.

60 рисунков и 16 заставок к роману создал художник. Еще в 1946 году Шмаринов набросал в альбоме портреты всех главных героев «Войны и мира». В 1950 году, когда он начал собирать материал и делать первые композиции, посвятив себя всецело этой работе, он уже примерно знал, какие живые облики должны будут глядеть на нас со страниц книги.

Конечно, художник в процессе работы вносил существенные изменения в каждый рисунок. Редко менялся сюжет, драматургия вещи, но зато как преображались и оживали люди — действующие лица. Художник знал, чего он ищет, и часто не находил нужных качеств в одном лице, поэтому для образа, скажем, Наташи Ростовой послужил и старинный дагерротип — снимок Татьяны Берс, которая, по признанию Толстого, была одним из прототипов Наташи, и девическая фигура натурщицы, и веселое личико одной московской школьницы.

Огромное количество книг, гравюр, рисунков, предметов тех времен служило художнику для воссоздания исторически верной картины жизни. Он не только тщательно изучал все первоисточники романа, но и старался учесть ошибки своих предшественников. Еще при жизни Толстого художник М. Башилов сделал иллюстрации к роману. Об этих рисунках сохранились личные замечания Толстого. Даже по одному только замечанию можно проследить их направленность. «Пьер. Лицо его хорошо, (только бы во лбу ему придать побольше склонности к философствованию — морщинку или шишки над бровями), но тело его мелко — пошире и потучнее и покрупнее его бы надо...». Так зорко видел своих героев писатель, так заботился он о том, чтобы каждая внешняя черта выражала внутреннюю суть.

По рисункам Д. Шмаринова можно ясно представить себе не только облик, душевный склад героев Толстого, но и их движение во времени, биографию.

Вот Пьер Безухов. Впервые мы видим его на гусарской пирушке у Анатоля Курагина. Среди пестрого и многолюдного собрания мы сразу узнаем Пьера. Он сидит, развалясь в кресле, неуклюжий, толстый, и смотрит поверх очков на веселых и озорных собутыльников. Это Пьер—юноша, Пьер—времен своей беспечной и разгульной молодости... А вот и пришла пора глубоких размышлений о жизни. Пьер показан крупным планом. Он полулежит на диване. Глаза его устремлены вдаль. Сама собой опустилась одна рука с книгой, а другая сжата в кулак. Пьер размышляет. Художник нашел пластические средства для того, чтобы выразить характер своего героя, его психологию, напряженную работу мысли, «склонность к философствованию». Расслабленным кажется тучное тело, но вглядитесь внимательно, как плотно сжат кулак. Детскость в припухших больших губах, но как зорко смотрят добрые глаза поверх очков! Из таких контрастов рождается представление о противоборстве разных свойств в душе человеческой.

Один из самых поэтических образов нашей литературы — Наташа Ростова вначале нам встречается в стайке молодежи, ворвавшейся в барскую гостиную дома Ростовых, а в последнем рисунке мы видим ее материнскую радость. Перед нами проходит вся жизнь, вся человеческая судьба.

Так же ярко представлена в рисунках и судьба князя Андрея, скупого на улыбку, строгого и подтянутого. Глубоко почувствовал художник и образ Кутузова. Простодушный и веселый в Царево-Займище, он представляется сгустком воли и решимости в Филях, когда решается судьба Москвы.

Удались Шмаринову портретные характеристики стариков Ростова и Болконского, молодежи — Сони, Пети и Николая Ростовых, маленькой княгини Болконской; не гротесковая, а изнутри разоблачающая толстовская сатира ощущается в характеристике таких персонажей, как Наполеон и Александр Первый, Анатоль Курагин и Элен.

Д. Шмаринов добился успеха и в воплощении народных сцен. Из-под причудливых папах, киверов и затейливых фуражек глядят на нас простые крестьянские лица солдат. Нет, это не парадное воинство вахтпарадов: истертые в походах мундиры, сбитые сапоги, могучие трудовые руки... Есть среди рисунков размером в два листа, предназначенных в книге на разворот, превосходная сцена. Пленных французов ведут крестьяне. Здесь — могучий седовласый мужик, похожий на Сусанина, молодой отчаянный парень, веселая озорная девушка. Вся Русь поднялась на врага!

Не все удачно пока, на мой взгляд, в батальных сценах. Так, например, не удалась художнику картина Бородинской битвы. Здесь нет героев, показанных крупным планом, нет человека, с точки зрения которого мы воспринимаем сражение. Нет и широкой перспективы, позволяющей охватить взором кульминационный момент сражения — бой у батареи Раевского. Недостатки некоторых рисунков в том, что не переходит из рисунка в рисунок сходство, не совсем чутко уловлено психологическое состояние героев. Но нет сомнения в том, что при дальнейшей упорной работе созданная Шмариновым в итоге многолетнего труда серия рисунков к «Войне и миру» поможет советским читателям глубже понять и ощутимее представить образы гениального романа.

В. СУХАРЕВИЧ

МОЛОДОСТЬ БОЛГАРИИ

Встреча советского комбайна в Трудовом Кооперативном Земледельческом Хозяйстве в Болгарии.

Любой советский человек, побывавший в Болгарии, навсегда сохраняет в своем сердце доброе чувство и братскую любовь к этой славянской стране, к ее мужественному, талантливому народу. Первый же болгарин, пожавший нам руки, обратился к нам на своем языке, и этот язык был нам понятен, переводчика не требовалось. Близки и понятны нам были и люди, и обычаи в самой Софии и в любом селе, будь то в горах или в долинах, на строительстве плотины или в земледельческом хозяйстве.

В Балканских горах мы встретили 76-летнего крестьянина Ради Радева Кичукова из деревни Любово. Остановив свою телегу на горном подъеме, он долго жал нам, русским людям, руки. Старик не мог сойти со своей телеги, у него не было ноги, которую он потерял в Македонии в первую мировую войну. Образ этого крестьянина сохранится в моей памяти. Поднимаясь вверх к Шипкинскому перевалу, мы еще долго видели этого простого человека, его руку, приветствовавшую нас.

Давнее кровное и духовное братство связывает наши народы.

У Болгарии большая история борьбы за свою свободу. В сентябре 1923 года под руководством Коммунистической партии народ поднялся на вооруженное восстание против фашистского режима Цанкова. Восстание было подавлено, но ни одна капля крови, упавшая на землю, не пропала даром. Окреп народ, очистилась и окрепла его рабочая партия, перед всем миром засиял пламенный подвиг Георгия Димитрова, силою коммунистической правды победившего фашистский суд в Лейпциге.

Коммунистическая партия Болгарии, даже в самые тяжелые годины испытаний, всегда стеной стояла за свой народ. После 9 сентября 1944 года, после того, как советские войска принесли освобождение болгарскому народу, компартия Болгарии повела страну по пути новой жизни.

Оглядываясь назад, зная то наследство, которое досталось народу от прошлого, надо прямо сказать, что создавать новую Болгарию было нелегко. Монархо-фашистский режим, коленопреклоненно выпрашивавший подачки у богатых иноземных покровителей, довел страну до крайнего обнищания. Богатейшие природные ресурсы не разрабатывались, а промышленность занималась исключительно переработкой сельскохозяйственного сырья, да и то в мизерных размерах. Земледелие, находившееся на очень низком уровне, велось примитивно, при помощи столь же примитивных орудий. Население было неграмотно.

Кто бы мог предположить, что за столь короткий срок, после выполнения двухлетнего, а затем и пятилетнего плана 1949—1953 гг., Болгария сумеет построить собственную индустрию. Индустрию, которая производит ныне современные моторы и станки, паровые котлы высокого давления и автоматические телефонные станции, компрессоры и троллейбусы. Сумеет добывать уголь и руду, производить азотные удобрения, аммиак, целлюлозу и многое другое.

Чудес на свете не бывает. Чтобы создавать основу социализма — индустрию, чтобы поднять отсталое земледелие и решить в основном зерновую проблему, надо было вдохновить народ прогрессивными идеями, сплотить его в Отечественном фронте, указать ему перспективы, будущее. Это сделала партия коммунистов Болгарии. Честь ей и хвала!

Партия обратилась к полной жизненной энергии молодой, трудолюбивой, смелой и способной нации. Народ ответил и доверием и трудами. Можно уверенно сказать в эту девятую годовщину освобождения Болгарии — труд, большие созидательные усилия не пропали даром. Радостно видеть успехи братского народа. Обычно в Болгарии сравнивают достигнутые результаты с предвоенным 1939 годом. Что же показывает это сравнение?

В 1952 году — четвертом году пятилетки — довоенный уровень промышленного производства был превзойден более чем в 4 раза, а производство товаров широкого потребления было в три раза выше, чем до войны. Правительство трижды снижало цены, крепко стала на ноги болгарская валюта.

В стране навсегда исчезла безработица, создается своя народная интеллигенция. Всё новые семьи трудящихся справляют новоселье. Только за последние четыре года рабочие, служащие и крестьяне получили 3.400 тысяч квадратных метров новой жилой площади. В стране строятся новые театры и кинотеатры, больницы и библиотеки, читальни и клубы, родильные дома и ясли, санатории и амбулатории. В 1939 году Болгарская академия наук не имела ни одного научно-исследовательского института, а теперь их в стране 118.

Значительны достижения культуры. Из года в год растет издание книг, газет, журналов, выпуск кинофильмов. Народ, давший таких общественных деятелей и деятелей культуры, как Димитр Благоев, Георгий Димитров, Васил Коларов, Васил Левский, Георгий Раковский, Георги Бенковский, Христо Ботев, Иван Вазов, Христо Смирненский, Никола Вапцаров, выдвигает из своей среды все новые и новые имена людей, славных своим творческим трудом.

Обращение к человеку и его насущным нуждам, к удовлетворению его растущих материальных и культурных потребностей — вот что лежит в основе всей деятельности болгарского правительства, коммунистической партии.

Вместе с главой своего правительства Вылко Червенковым болгарский народ может сказать:

«Наша любимая родина на подъеме, на наших глазах она преображается, индустриализируется, развертывает свои производительные силы. За лесами строек, покрывающими ныне нашу страну, уже виднеется ее завтрашний чудесный облик».

Советским людям близко и дорого все, что происходит в этой братской стране, дважды освобожденной русским народом от иноземного рабства. Они помогают Болгарии строить социалистическое общество. С каждым днем крепнут материальные и духовные связи между обоими народами, крепнет наша уверенность в вечной и нерушимой дружбе, которая служит делу мира и прогресса во всем мире.

Аркадий ПЕРВЕНЦЕВ

В ОБСТАНОВКЕ ТЕРРОРА И ФАЛЬСИФИКАЦИИ

В ночь с субботы на воскресенье 6 сентября боннский министр внутренних дел Лер, по приказу Аденауэра, привел в состояние боевой готовности все виды полиции Западной Германии. Всякие отпуска и отлучки были запрещены. И когда в воскресное утро немцы направились к избирательным участкам, они нашли их под усиленной охраной полицейских отрядов, снабженных мощными водометами. В Дюссельдорфе, Эссене, Франкфурте-на-Майне, Карлсруэ и других крупнейших городах Западной Германии на улицах, примыкающих к избирательным участкам, были расставлены моторизованные части с танками. Одновременно была произведена мобилизация всех полувоенных организаций реакционных партий. Реакционная пресса еще накануне с ликованием возвестила, что в помощь полиции приданы молодчики, готовые на все.

И весь этот военизированный спектакль клика Аденауэра издевательски именует «свободные выборы»!

Уже в пятницу в последних выпусках западногерманских киножурналов демонстрировались кадры, показывающие, как аденауэровские воинские части, слегка лишь замаскированные под полицию, вступают в западногерманские города. Эти сцены весьма напоминают те кадры, которые во времена Гитлера демонстрировались в кино для иллюстрации фашистских «побед»... Цель этих, нынешних, киносъемок была тоже позаимствована у геббельсовских пропагандистов: запугать население.

Этой же цели служили и многочисленные военные маневры, проведенные в последние дни прошедшей недели. Например, третий отряд находящейся на казарменном положении полиции в земле Северный Рейн — Вестфалия провел в конце прошлой недели развернутые маневры на... самой большой площади города Вупперталь. Полицейский отряд упражнялся в штурме «защищаемого противником дома». Во время этого невинного «полицейского упражнения» были пущены в ход броневики, специально для этого предоставленные американской армией. Примечательно, что подобные маневры большей частью проводились в Рурской области, то есть в городах с рабочим населением. Нетрудно догадаться — их задачей было запугать рабочих и воспрепятствовать таким образом свободному изъявлению воли трудового населения Западной Германии.

Эти факты, как и приведенная в боевую готовность полиция и мобилизация всех полувоенных реакционных организаций, наглядно показывают, что боннские заправилы чувствовали себя неуверенно. Недаром и заокеанские покровители Аденауэра сочли необходимым нагло вмешаться в предвыборную борьбу и оказать открытую «избирательную помощь» своим боннским ставленникам.

Немецким монополистам, милитаристам и фашистам, интересы которых защищает режим Аденауэра, явно не хватало во время избирательной кампании убедительных аргументов. Именно поэтому они пустили в ход террор.

Многочисленные избирательные плакаты партий и организаций, выступавших против аденауэровского блока фашистских и милитаристских сил,—Коммунистической партии, «Союза немцев, борющихся за единство, мир и свободу», Общегерманской народной партии, были запрещены. Те же плакаты, которые было разрешено издать и расклеить, немедленно уничтожались наемными бандами, действовавшими по указке реакционных партий.

Весьма примечательно, что эта форма предвыборного террора за последние две недели перед выборами была распространена и на социал-демократическую партию. Недаром руководство этой партии в последние дни избирательной кампании открыто жаловалось, что повсеместно, и особенно в юго-западной части страны, все избирательные плакаты социал-демократов срывались или заклеивались плакатами реакционных партий.

Аденауэр и его единомышленники делали все, чтобы помешать западногерманским борцам за мир и единство Германии довести до сведения населения правду о предложениях Советского Союза относительно мирного договора с Германией и о результатах московских переговоров между СССР и Германской Демократической Республикой. Особую ярость боннских главарей вызвало заявление ТАСС от 4 сентября, разоблачившее ложь и лицемерие Аденауэра. Вся реакционная пресса получила строжайшее указание или вообще замалчивать это заявление, или сообщать о нем в совершенно извращенном виде.

Другой формой избирательного террора, особенно охотно применявшейся боннскими реакционерами, был систематический запрет избирательных собраний, организованных партиями, выступавшими против милитаристской программы Аденауэра. В тех же случаях, когда собрание не удавалось запретить, наемные банды фашиствующих молодчиков пускали в ход все средства, чтобы его сорвать.

Как проходили выборы в боннский бундестаг

6 сентября в обстановке неприкрытого террора аденауэровской коалиции проходили выборы в нижнюю палату западногерманского парламента (бундестаг). Боннский корреспондент агентства Рейтер передает неофициальные итоги голосования. Согласно этим данным, партия Аденауэра ХДС-ХСС получит в бундестаге 244 мандата из 487. Социал-демократическая партия будет иметь 150 мандатов (в прошлом составе бундестага имела 131 мандат). Входящая в правительственный блок реакционно-буржуазная «Свободная демократическая партия» получает 48 мандатов (ранее 51 мандат) и третья партия боннской коалиции — националистическая «Немецкая партия»—15 мандатов (ранее 17). Кроме того, 27 мандатов пало на долю так называемого «Общегерманского блока», ранее не представленной в бундестаге, и 3 мандата досталось «Партии центра»—католической буржуазной партии, также блокировавшейся с партией Аденауэра. В прошлом составе бундестага «Партия центра» имела 10 мандатов.

На итогах выборов сказалась примененная Аденауэром жульническая избирательная система, по которой партии, не набравшие пяти процентов голосов, могут быть лишены представительства в бундестаге. Таким образом, хотя за коммунистов голосовало 6 сентября свыше 600 тысяч избирателей, им не предоставлено ни одного места в бундестаге, а католическая «Партия центра», получившая втрое меньше голосов, чем компартия, будет иметь 3 места.

Партия Аденауэра ХДС-ХСС получила на этих выборах значительную часть голосов своих прежних партнеров по коалиции, а также мелких фашистских группировок.

Как указывал вчера в передовой статье центральный орган КПГ газета «Фрайес фольк», результаты выборов в Западной Германии показывают, что для германского народа и для соседей Германии возникла серьезная угроза. Теперь усилилась опасность фашизма и войны, пишет газета. Аденауэр и его американские хозяева постараются использовать результаты этих выборов для того, чтобы осуществить боннский и парижский военные договоры и сделать невозможным мирное воссоединение Германии.

Еще утонченнее и ожесточеннее, чем открытый «горячий» террор, был скрытый, «холодный» террор закулисного нажима. Он был особенно распространен во время предвыборной кампании в средних и небольших городах, а также в деревнях. Здесь реакционные партии создали такую атмосферу, при которой любое высказывание рядового избирателя в пользу программы коммунистов или «Союза немцев» означало для него немедленную потерю работы.

Даже те представители промышленной и торговой буржуазии, которые выступали в поддержку Общегерманской народной партии, возглавляемой Хейнеманом, и «Союза немцев», оказались под самым свирепым нажимом реакции. На практике это выглядело следующим образом: предприниматель или купец, который на предвыборном собрании или даже просто за столом в ресторане высказывал свою солидарность с точкой зрения бывшего имперского канцлера д-ра Вирта, через несколько дней получал от кредитующего его банка письмо, в котором ему сообщалось, что, «к нашему великому сожалению», банк не может более предоставить затребованный им кредит... Когда напуганный предприниматель спешил в банк, то там пожимали плечами и ссылались на «достойный сожаления недостаток денег». А когда клиент становился более настойчивым, то ему намекали, что, возможно, он что-то сказал или сделал, что не понравилось во влиятельных сферах...

В районах Западной Германии, населенных католиками, к политическому и экономическому нажиму прибавлялся еще нажим католической иерархии. Архиепископы Мюнхена и Кельна, например, сочинили специальные послания, которые зачитывались верующим. «Послания» эти от начала до конца представляют собой избирательную пропаганду в пользу Аденауэра.

Западногерманские буржуазные газеты, поддерживавшие оппозиционные Аденауэру партии, приводили за последнюю неделю немало примеров того, как католические священники использовали даже исповедальню, чтобы повлиять на избирателей, прежде всего женщин-избирательниц. Католические священники внушали избирательницам, чтобы они пустили в ход все средства, чтобы принудить своих мужей голосовать за Аденауэра.

Немецким патриотам на протяжении всей избирательной кампании требовалось немало мужества и героизма, чтобы противостоять этому массовому террору. Члены патриотических организаций, рабочие и служащие, после тяжелой работы разносили избирательную литературу, продавали газеты, охраняли избирательные собрания, целые ночи напролет расклеивали избирательные плакаты, писали письма избирателям. Сотни тысяч западногерманских патриотов не дали политическим гангстерам Бонна, поддерживаемым заокеанскими империалистами, запугать себя. Они самоотверженно вели во время избирательной кампании борьбу за восстановление единства своей родины, за справедливый мирный договор с Германией, за мир и дружбу с Советским Союзом и всеми народами Европы. Они уверены: придет день, когда силы мира и прогресса, отражающие подлинные интересы немецкого народа, восторжествуют.

Теодор ВАЛЬДЕН

БЕРЛИН, 7 сентября. (По телефону)

Этот снимок, опубликованный западногерманским журналом «Дер штерн», сделан в Нью-Йорке в одном из жилых домов. Люди, выламывающие молотом дверь,— американские расисты-погромщики, терроризующие негритянское население. В данном случае они хотят заставить выехать из квартиры танцовщицу-негритянку Франсес Декатур...

По страницам печати

«Руде право»; «Праце» — Чехословакия

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЧЕХОСЛОВАКИИ

«Среди других языков русский всегда находился на особом, исключительном месте в сердце нашего народа, в его чувствах, связанных с любовью к родине, с давней мечтой о свободе, о справедливости, с мечтой о красоте, мире и счастье».

Так пишет газета **«Руде право»** об огромном интересе к русскому языку в широких кругах чехословацкого народа. Когда в 1949 году в стране начался прием на народные курсы русского языка, они были рассчитаны на 150 тысяч слушателей. Записалось на курсы свыше 325 тысяч человек. А в настоящее время число слушателей этих курсов превышает и эту цифру.

Русский язык, язык Ленина и Сталина, язык Пушкина, Толстого, Горького, Маяковского открывает трудящимся Чехословакии огромные богатства русской и советской литературы. Овладение русским языком помогает освоению опыта советских стахановцев, опыта мастеров высоких урожаев.

«Наши рабочие, крестьяне, ученые, техники и работники культуры,— указывает газета,— **которые осваивают советский опыт, идут сегодня в первых рядах, они ведут за собой весь народ».**

Награжденный «Орденом Республики», лауреат Государственной премии токарь Вацлав Свобода во время своего пребывания в Китае объяснялся с китайскими товарищами при помощи русского языка. Пионеры, учащиеся средней школы имени Зденека Неедлы в Забржеге, переписываются по-русски не только с матерью Зои Космодемьянской, но и с пионерами ГДР, Кореи и Китая.

В заключение «Руде право» пишет:

«Ничто так не сближает нас с советским человеком, как то, что мы можем говорить с ним на его родном языке. Учиться у него, учиться и еще раз учиться! Ведь изучить русский язык — это значит быстрее притти к социализму, быстрее сделать нашу родину прекрасной и богатой».

ПЕСНЯ В РАБОЧЕМ СТРОЮ

В Чехословакии многие помнят знаменитую забастовку в 1920 году на шахтах и заводах Кладно. Полиция жестоко расправилась тогда с рабочими. 2 000 бастующих были брошены в тюремные камеры Панкраца.

«В морозный рождественский вечер,— пишет газета **«Праце»,— к тюрьме подошла огромная толпа пражских рабочих с Колбенки и заводов Ринггофра. Кто-то из демонстрантов запел боевую революционную песню. Ее сейчас же подхватили в толпе, а затем песня перекинулась через тюремные стены, проникла сквозь решетки. Скоро ее пела вся тюрьма. Казалось, исчезли все преграды, разделявшие заключенных и демонстрантов.**

Среди заключенных был рабочий — сегодняшний президент Чехословакии Антонин Запотоцкий...»

Все это рассказал группе сотрудников Чехословацкой Академии наук горняк Алоис Краус, участник событий 1920 года. С его же слов сотрудники академии записали несколько песен революционного Кладно.

Газета рассказывает далее, что сотрудники кабинета народной песни Чехословацкой Академии наук проводят большую работу по сбору старых революционных песен шахтеров, металлургов и других.

Неделя Юлиуса Фучика

Сегодня исполняется десять лет со дня героической гибели национального героя Чехословакии, смелого борца за мир — Юлиуса Фучика. Трудящиеся Чехословакии широко отмечают эту памятную дату. С 5 по 13 сентября по всей стране проводится неделя Фучика.

Как сообщает чехословацкая газета «Руде право», одним из значительных событий недели Фучика явится торжественное вручение чехословацких премий мира за 1952 год, которое состоится 8 сентября.

В Праге, в павильоне Общества культуры, открывается большая выставка «Жизнь и деятельность Ю. Фучика».

Во многих городах и селах страны состоятся вечера, посвященные Ю. Фучику, лекции и читательские конференции.

Чехословацкое государственное издательство художественной литературы выпустило в свет новое, девятнадцатое издание «Репортажа с петлей на шее».

К 10-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ГИБЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОГО ГЕРОЯ ЧЕХОСЛОВАКИИ ЮЛИУСА ФУЧИКА

Человеку—жизнь!

Летом, вернувшись из Москвы в Прагу, я пришел к Густе Фучиковой, чтобы передать ей многочисленные приветы от ее советских друзей. Она много рассказывала мне о Фучике, а потом подвела меня к домашней библиотеке, показала на одну полку и сказала: «Это — книги, которые удалось сохранить из библиотеки Юлека». Всего-навсего несколько книжек, большей частью чешских классиков.

— У нас была большая библиотека,— говорит Фучикова.—Гестапо ее конфисковало и уничтожило. Книги были для Юлиуса Фучика, как хорошие друзья. Он всегда радовался, если мог найти у букинистов книгу какого-нибудь забытого автора или такого, которого буржуазия замалчивала за его прогрессивность.

С благоговением я просмотрел несколько маленьких книжек, и мне показалось, что только минуту назад хозяин поставил их на место.

Густа показала мне и дневники Фучика, в которых с шестнадцати лет он делал заметки о прочитанных книгах. Из дневников видно, что уже тогда, в молодые годы, он умел самостоятельно мыслить и вырабатывать собственное мнение о происходившем вокруг него.

По длинному списку прочитанных книг и усердным комментариям к ним, записанным мелким почерком, по подчеркнутым в книгах местам можно судить о горячем стремлении Фучика к знанию. В дневниках Фучика я увидел и названия первых книг, которые он еще юношей прочел по-русски и по-русски записал их названия: «Капитанская дочка» Пушкина и «Ревизор» Гоголя.

Кроме дневников, сохранились и записные книжки Фучика. В них — подробные характеристики людей, с которыми он встречался в Советском Союзе, во время поездки по Средней Азии.

Наконец Густа подвела меня к полке, где стоят различные издания книг Фучика. Более чем на 50 языках вышел его «Репортаж с петлей на шее». Я увидел обложки самых различных стилей и графического оформления, от чешского и русского изданий до китайского, где только по портрету Фучика сразу узнаешь, что это за книга.

С любовью смотришь на ряд изданий этой книги, прочитанной миллионами людей во всем мире и ценимой, как дорогое наследие человека, который не колебался пожертвовать жизнью в борьбе за свободу народа и счастье человечества.

Десять лет прошло с того дня, когда после нечеловеческих истязаний был убит фашистскими палачами Юлиус Фучик, выданный подлым провокатором. До последней минуты не потерял он веру в освобождение чешского и словацкого народов, в победу Советской Армии.

Известны его слова, которые он бесстрашно произнес на суде в Берлине:

«Ваш приговор мне будет сейчас зачитан. Я знаю, он гласит — смерть человеку. Мой приговор вам уже давно вынесен. В нем кровью всех честных людей мира написано: Смерть фашизму! Смерть капиталистическому рабству! Человеку — жизнь! Коммунизму — будущее!»

Откуда брались энтузиазм и вера в победу справедливого дела, которыми обладал Фучик в течение всей жизни и которые поднимали его на борьбу против чехословацкой буржуазии и нацизма? Что давало ему эту силу? Это были сила и энтузиазм убежденного коммуниста, непоколебимая вера в Советский Союз. Это была любовь к своему народу. Любовь Фучика к народу имела глубокие, крепкие корни. Она зрела в нем с самого раннего детства, когда он жил в Пльзене в рабочей среде. Увлеченно он читал тогда произведения чешских классиков: Карела Гавличека Боровского, Немцову, Неруду, Чеха, Эрбена, Сладека, Ирасека, много времени уделял изучению истории, которая всегда для него была неисчерпаемым источником знания.

Такое отношение к народу воспитывала в нем Коммунистическая партия, в которую он вступил восемнадцатилетним юношей в год ее основания.

Свои знания Фучик никогда не берег только для себя. Он всегда стремился распространить их, боролся за свои убеждения. Поэтому уже начиная с ранних студенческих лет его увлекает работа в газете. Приехав в Прагу в 1921 году, он начинает вскоре сотрудничать в прогрессивной печати, пишет свои первые статьи о литературе и искусстве.

Фучик приехал в Прагу для того, чтобы учиться. Хотел поступить на философский факультет Карлова университета. Но тут же выяснилось, что парень из рабочей семьи не может позволить себе роскошь учиться в университете. У него не было никаких средств к существованию. Он вынужден был искать работу, чтобы жить и учиться. Юлиус Фучик поступил работать канцеляристом в государственное статистическое управление и одновременно записался вольнослушателем на философский факультет. Однако в статистическом управлении его долго держать не стали. Он был уволен за то, что организовал среди служащих забастовку солидарности с бастующими рабочими-строителями. Затем он работал некоторое время поденным рабочим на строительстве шоссе недалеко от Праги.

Это была первая школа жизни Фучика. Она укрепила его социалистические воззрения. Ему захотелось еще более активно участвовать в работе газеты.

После исторического V съезда Коммунистической партии Чехословакии в 1929 году, когда во главе партии стал Клемент Готвальд, исполнилась эта горячая мечта Фучика. Он стал одним из редакторов центрального органа партии. Как корреспондент «Руде право», он близко наблюдал забастовку горняков Северной Чехии, он шагал в рядах демонстрантов, жил постоянно среди рабочих, знал их настроения, в одном строю с ними боролся за их справедливые требования. Рабочие ценили работу Фучика, любили его и радостно приветствовали его в своем кругу.

Вот как Фучикова рассказывала недавно на собрании пражских журналистов об отношении Фучика к людям, к рабочим:

«Юлиус Фучик был простой и прекрасный человек. Если бы вы с ним говорили, вы полюбили бы его точно так, как вы его любите по его книгам. Он умел с каждым говорить так, что становился близким человеком, каждому давал радость. Он умел смеяться, умел увлекательно рассказывать, но умел и слушать. Особенно, когда бывал среди рабочих. Он слушал их рассказы, воспринимал их опыт и учился у них. Слушал, смотрел, а затем из нескольких заметок, казалось, из мелочей, вырастала статья или репортаж. И именно потому, что они вырастали из жизни, они были понятны и убедительны».

Юлиус Фучик в городе Фрунзе во время пребывания в СССР (1930 год)

Вся жизнь Юлиуса Фучика, его деятельность неразрывно связана с Советским Союзом.

Письма, написанные Фучиком во время его пребывания в Советском Союзе в 1934—1936 годы, замечательны. Как очевидец, как проницательный человек, который видел далеко вперед, он вооружал чехословацких трудящихся правдой о Советском Союзе, рассказывал о новой жизни, которую в удивительных темпах строили в стране рабочих и крестьян.

«Мы родились в великое время,— пишет он своей жене в августе 1935 года.— Вы это хорошо чувствуете там у себя, в забытом углу света. Но здесь в Москве все это как-то яснее, как-то ощущается концентрированнее, острее. Москва сегодня — подлинный центр мира. Здесь создаются первые главы будущей истории человечества».

Юлиус Фучик ставил своей целью не только информировать в своих репортажах чехословацких трудящихся об успехах строительства в СССР, но и вдохновлять, поднимать их на борьбу против угнетателей, показывать им пример советских людей.

Густа Фучикова рассказывала, как регулярно она писала Юлиусу в Москву о событиях дома, сообщала различные подробности повседневной жизни, информировала о том, что пишет буржуазная печать о Советском Союзе, о том, что интересует людей дома. А Фучик из далекой Москвы откликался на это в своих статьях, разоблачал клеветников и немилосердно высмеивал лжецов.

Десять лет прошло со дня смерти верного сына чешского народа — незабываемого Юлиуса Фучика. За эти годы трудящиеся Чехословакии с помощью Советского Союза освободились от фашистского рабства, установили народно-демократический строй. Фучик не дождался первых строек социализма на своей свободной родине, первых комбайнов на полях единых сельскохозяйственных кооперативов. Он не увидел первых успехов социалистического строительства своего свободного народа. Но чехословацкие трудящиеся не забывают Фучика. С любовью и благодарностью они берегут заветы этого гордого, непреклонного борца за человеческие права. Его голос звучит, как призывный горн. Он зовет на борьбу против врагов жизни, против тех, кто строит свое благополучие на человеческих несчастьях, на смертоносных войнах.

Мы помним призыв Юлиуса Фучика к бдительности.

Мы помним его слова, полные гуманизма: «Человеку — жизнь!»

Мирослав ФИЛИП,
чешский критик

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета), Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б02850.